ПОКОЛЕНИЕ

№ 3 (4) 2012

ЦЕРКОВЬ И СМИ

Я всегда думаю до последнего момента о том, что хочу сказать читателю на первой странице. Думаю, и всё равно пишу наконец что-то убогое, всякий раз сожалея о невозможности вложить в эту страницу всё. Мне бы хотелось, чтобы Вы сами были знакомы с нашими героями, сами чувствовали и думали то, что чувствуем и думаем мы, когда готовим очередной материал. Мне бы хотелось, чтобы все эти месяцы Вы слышали, видели, читали то, что слышали, видели и читали мы. Тогда никаких скупых редакторских слов не было бы нужно, и вся полнота наших чувств стала бы Вашей без посредников вроде меня. Увы, эта мечта неисполнима, но, как упорные романтики, мы всё равно продолжаем идти к ней с помощью слов и смыслов, вложенных в статьи «Поколения».

Тема четвёртого номера, признаться, требовала в этом смысле ещё больших усилий, потому что касается она в основном нас – журналистов. И вот, следовало рассказать Вам о нас так, чтобы Вы получили пользу и не умерли притом со скуки. И главное, ощутили, насколько широка эта, на первый взгляд, узкая тема, как и мы ощутили это примерно в середине работы над номером. Количество наших общих проблем, связанных с темой «Церковь и СМИ» поражает, когда начинаешь копаться. Я хочу, чтобы Вы тоже покопались и в теме, и в себе вместе с нами и нашими героями, хочу, чтобы всё то, что было доступно нам, стало бы доступно и Вам. Что ж, если посредники неизбежны, пусть ими станут эти 56 страниц.

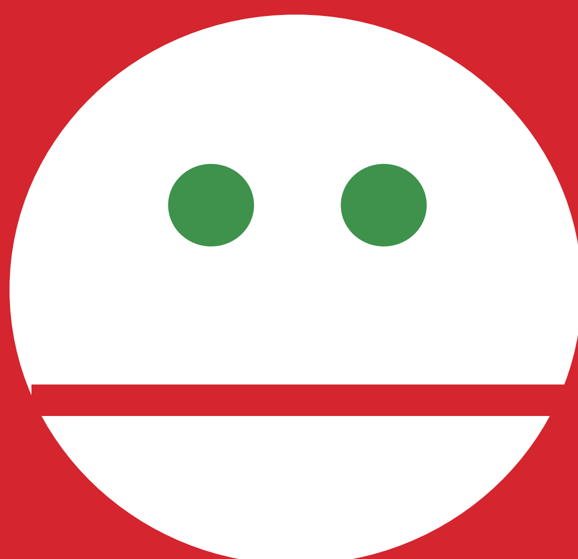
Елена Бабич
выпускающий редактор

И ещё, всех с Рождеством!

АНФАС

И это [интервью] словно соприкосновение с иконой, которая есть в каждом из нас. Ты обнаруживаешь образ Божий в собеседнике.

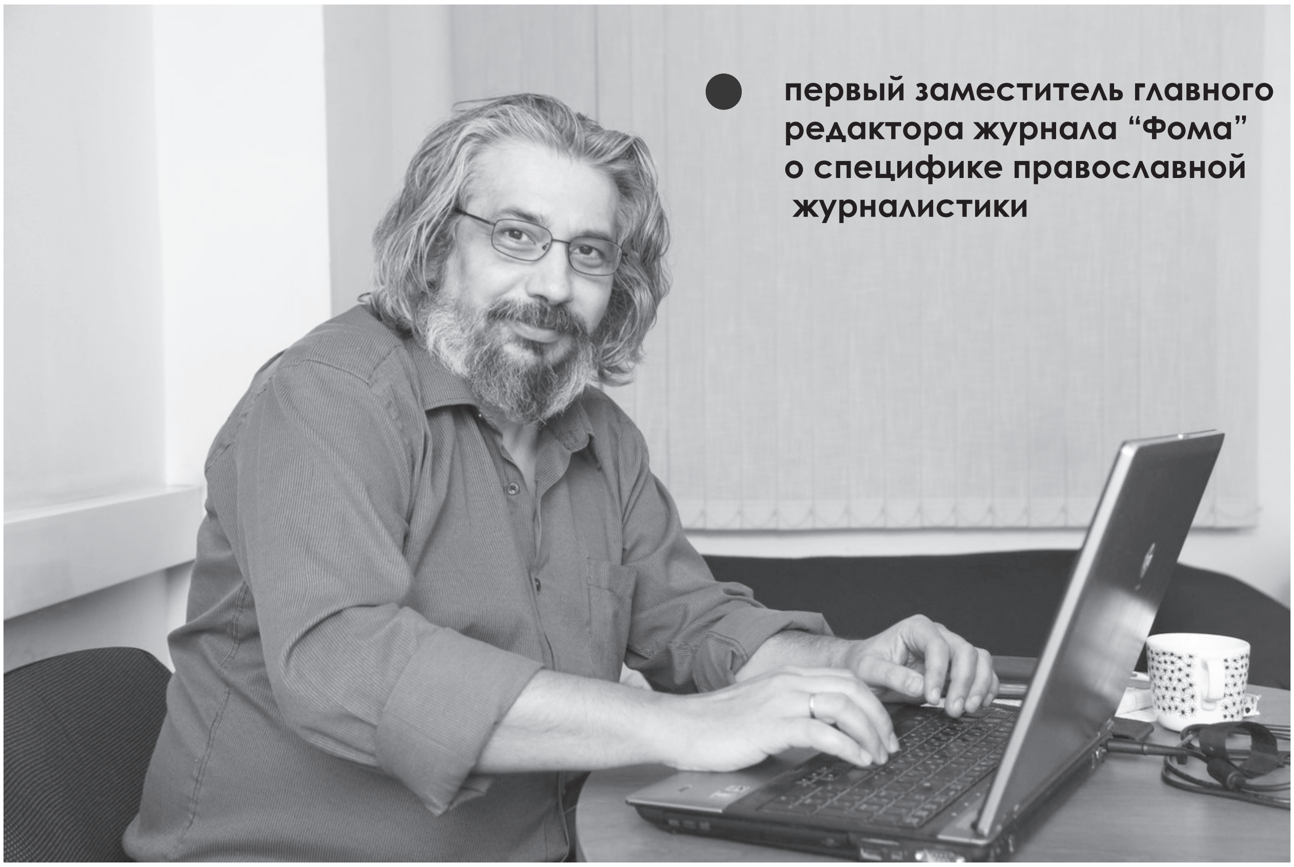
Владимир Гурболиков в интервью Анне Даниловой

ЕЛЕНА БАБИЧ

ОДНА ИЗ САМЫХ СКРОМНЫХ ПРОФЕССИЙ

Владимир Гурболиков о «Фоме», православной журналистике и православном журналисте

Приготовьтесь, дорогие, это будет слишком большое интервью. Слишком длинное, слишком узкое по тематике и слишком широкое по сути. Слишком искреннее и, с этой точки зрения, идеальное для «Анфаса», с идеально для этого подходящим человеком.

“Фома”. Ноябрьский номер 2012 года

ЕЛЕНА: Часто слышу от многих постоянных читателей «Фомы», что раньше журнал был лучше. Как думаете, почему?

ВЛАДИМИР ГУРБОЛИКОВ: Потому что появились новые читатели. Я надеюсь, что очень многие прежние читатели «Фомы», узнав о Церкви всё, что надо знать, приходят в Церковь молиться, а не покупать журнал «Фома».

Е: То есть вы вырастили своих читателей?

ВГ: Я надеюсь, что мы своих читателей в чём-то убедили и сами в диалоге с ними поняли что-то новое в жизни. И знаете, появился другой читатель. Например, дети от 12 лет. Когда «Фома» только появился, многие его читатели как раз создавали свои молодые семьи. Эти люди дорастили сейчас своих детишек до возраста, когда уже возникают первые юношеские проблемы. И многие дети обращаются к журналу.

Прежнему нашему читателю я бы дал совет: пересмотреть отношение к журналу, т.к. журнал – это не цель, а средство. В какой-то момент журнал был средством для вас, чтобы понять, что такое церковная жизнь, как люди к ней идут, с какими проблемами сталкиваются, какие вопросы задают, как это отражается в их семейной жизни, в их отношениях с другими людьми, на их творчестве и т.д. Нужно понять, что эта миссия журнала в какой-то момент для вас завершилась. Теперь вы можете использовать «Фому» как инструмент, чтобы обратиться к другим людям. Особенно это касается тех людей, кто просвещением занимается профессионально: учителей, преподавателей воскресных школ, библиотекарей, катехизаторов и т.д. Это касается и родителей, у которых подрастают дети. Мы - пособие для священнослужителей, которые ведут диалог с заходящими в храм с улицы людьми. Мы себя не ставим слишком высоко. Мы пытаемся помочь, не более того.

Е: Тогда неизбежен период читательского «голода»: возможно, ещё не время, чтобы перейти к Василию Великому, но уже и не «Фома»...

ВГ: Мы об этом тоже думаем и понимаем, что не всесильны и не можем заполнить все ниши. Главное, всё-таки, больше общаться по-христиански со всеми: и со своими духовными учителями, и со своими родными и близкими. Чтение этого не заменит.... В общем, нужна практика христианской жизни, а не только её теория.

Е: «Фома» позиционирует себя как «журнал для сомневающихся». Мне кажется, в 90-е года XX века этот слоган звучал сильнее и вообще был действеннее. Насколько он актуален сегодня?

ВГ: Я думаю, что для многих людей, которые считали себя уже весьма воцерковлёнными и сведущими в церковной жизни, именно этот год оказался годом очень тяжёлых сомнений. С их

стороны мы слышали, на мой взгляд, несправедливую критику, что журнал «беззубый», не пишет о безобразиях, творящихся кругом, не критикует. И нам в вину вменяли трусость. Между тем, проблемы-то как раз испытывали люди, которые смешали политику и церковность. К церковной жизни это имеет очень малое отношение, но вот в очередной момент сомнений и переживаний многие люди вдруг незаметно для себя соблазнились партийностью. Вдруг оказалось, что многие не настолько церковны, чтобы по-настоящему дорожить церковной жизнью, таинствами, любовью к ближним, пусть даже с другими взглядами на жизнь. На этом фоне начинают задавать вопрос «Фоме»: «А вот почему же вы о политике об этой не пишете?». А журнал «Фома» на это отвечает: «Потому что проблема счастливой и несчастливой семьи, проблема воспитания детей, проблема покаяния, проблема воцерковления, с нашей точки зрения, намного важнее». И тут вдруг оказывается, что они в этом сомневаются, начинают с нами спорить. Выходит, сомнения-то остались, значит осталась и актуальность этого названия.

Ну а что говорить о людях нецерковных? Сомнения прежние, вопросы прежние, они не менялись все эти десятилетия. Не нужно тут строить никаких иллюзий, хотя общество в целом и связано с христианскими ценностями, церковным обществом мы не стали.

Е: Здесь ещё может присутствовать желание представить Церковь как нечто противогосударственное.

ВГ: Церковь ведь не общественно-политическая организация, Церковь – это служба по спасению человеческой души. Она обращена к каждому отдельному человеку, а не к массе. Хотя да, приходится проповедовать среди многих людей, но проповедь всё равно индивидуальна. Мы видим, как в разные смутные времена с целыми поколениями происходили буквально духовные катастрофы. И связаны они в первую очередь с политическими потрясениями. И опыт Церкви, и опыт всех нас говорит о том, что мы должны быть очень бережны друг к другу... Что политика, если она саморадикализируется, если она становится жестокой, жёсткой, она может разделить людей и погубить каждую душу в отдельности. Потому что в политике часто люди оказываются один против другого, а в Церкви они учатся наоборот воссоединяться, и вместе, любя друг друга, идти со Христом. И таким образом спасается каждый. А это и есть главное, за что переживает Церковь. И причины, по которым церковное руководство в тех или иных случаях занимает те или иные общественно-политические позиции, лежат вне политики, вне личной корысти. Всякое бывает, конечно, но чаще это действительно боль и переживание за будущее каждого конкретного члена Церкви. Потому что духовенство несёт всю полноту ответственности перед самим Богом и ответит за каждого. Церковные иерархи это понимают, и священнослужители тоже несут тяжкий груз, поэтому, мало кто из них позволяет себе резкие высказывания или какие-то резкие шаги, дабы не смутить и не погубить кого-то из людей.

Е: Почти у любого журналиста рано или поздно возникает кризис «ненужности». А если это журналист православный, то здесь, думается, идёшь в профессию уже в полной боевой готовности к этому кризису. Ведь посмотрим: не православный, который хочет что-то узнать о Боге, скорее возьмёт не церковную газету, а, скажем, Василия Великого – первоисточник. То же самое сделает и «глубокоправославный»: зачем ему СМИ, если даже на главное у нас не хватает времени? И для чего теперь нужен православный журналист? Себя он, кстати, тоже об этом спрашивает...

ВГ: А я не смог читать Василия Великого... Я прочитал отца Александра Меня, потом прочитал Евангелие, потом посмотрел передачу о перенесении мощей Серафима Саровского и послушал его житие. И тогда понял, что то, о чём пытался сказать отец Александр Мень, при всех оговорках в отношении его творчества и его художественных ходов, – это попытка доказать, что Православная Церковь это и есть та истинная Церковь, которая возникла в Пятидесятнице. И вот это новое понимание совместилось в моём сознании впервые с тем, что я увидел и услышал по телевизору во время перенесения мощей. Для меня тут же снялась проблема странных одеяний, не понятных каких-то молитвословий и прочее. Я вдруг понял, что этому всему можно как-то научиться. То есть это совершенно не главное в том, что такое Церковь. Главное – Церковь наша Святая – та самая, которая начиналась с общины учеников Христа. Вот такая цепочка и роль журналистики.

Журналист обязан, конечно же, служить людям. С одной стороны, для него важно, что то, что он делает, действительно востребовано. Но при этом трезво себе отдавать отчёт, когда это вдруг прекращается или когда это не получается. Сейчас новая эпоха, когда само бумажное издание – это не вся работа, которую делает редактор журнала. Обязательно существует погружение в виртуальное пространство. Оно даёт обратную связь с читателем, даёт возможность проводить серьёзную клубную или социальную работу. И современному журналисту в этом смысле нужно перестроиться – совместить прежние умения и навыки с прямым общением с читателем. Тогда, если само издание органично с теми делами, которые вокруг него возникают, всё будет хорошо.

Просто помните, фразы Ленина, которые любили повторять в советское время, о том, что газета – не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор, в общем-то, не лишены смысла. Это, к сожалению, говорили применительно к революции, но в целом, это правильно: газета – это организатор своего читателя. И нужно учиться этому в новых технологических условиях.

А с другой стороны, есть постоянное ощущение кризиса… Я думаю, что правильный журналист всегда его ощущает. Во-первых, это вообще правильно для любого человека, потому что в нём должна идти покаянная работа во всех сферах его бытия: и в семье, и в труде. Во-вторых, это нужно для того, чтобы избежать журналистского снобизма. Потому что журналистика косвенно – одна из самых опасных специальностей. Неправильно воспользовавшись средством массовой информации, журналист может обмануть и повести людей туда, куда им нельзя ходить категорически. Но при этом, журналист – одна из самых скромных профессий. Мне нечем гордиться. Я знаю людей, которые ушли из журналистики, чтобы научиться и трудиться врачом. Они просто сопоставили то, что делает для человека даже санитарка больницы и то, что делает редактор крупной газеты, и решили, что важнее заниматься вот этим простым трудом. Я с ними согласен. Читаю сейчас литературу, посвящённую Великой Отечественной Войне, и обращаю внимание, насколько всё-таки военный журналист отличается от солдата или офицера. Журналисты и сами переживали за это, имели мужество и стремились быть на переднем краю, но всё равно их риск не сопоставим с той обязанностью быть на переднем краю, которую имели рядовые солдаты и офицеры. Так что мы, вообще говоря, профессия очень скромная. И нам следует это помнить. На людей, которые трудятся на земле, помогают другим создавать истинные ценности, на педагогов, на учёных мы должны глядеть снизу вверх – всегда! И водитель трамвая для меня один из самых интересных героев, потому что он делает для людей намного больше, чем я. И да, я комплексую. Но это лучше, чем задирать нос.

Е: Как правило, журналисты, пишущие о вере, хотят создавать «глубокие» статьи и непрестанно сетуют на то, что получаются всё равно «широкие». Тогда, нужно понимать, что проблема в поверхностности. Но очевидно и то, что церковная журналистика недостаточно оперативна. То есть мы хотим быть глубокими и успеть при этом всё сказать, осветить все события. Ситуация «за двумя зайцами». Что делать?

ВГ: Всё мне полезно, но ничто не должно обладать мною. Всё зависит от задачи и ситуации. Действительно, бывают периоды, когда по некоему поводу разбужено общественное движение и необходим оперативный диалог между, например, церковными и не церковными людьми. Тогда части журналистов приходится заниматься тем, что кажется узким и поверхностным, но это задача тоже необходимая. Потому что часть людей смущается какими-то поверхностными вещами, которых через день-два уже не будет. С другой стороны, можно очень глубоко копать, но проблема журналиста – а то ли он вытащит на поверхность? Журналист всё-таки работает на плоскости – на плоскости коммуникаций между людьми, на горизонтали. Вот все наши герои – люди с духовным опытом, учёные, которые что-то знают об истории Церкви, об истории стран, люди с глубоким опытом семейной жизни. Мы должны их опыт вынести на ту поверхность, на ту горизонталь, где разные люди друг друга поймут: где учёный услышит и сумеет понять, что переживает, скажем, мама многодетная, которая не имеет учёности, но воспитывает детишек. Мама эта сумеет понять, какие знания этот учёный, изучающий церковную историю, может дать ей. Что может дать литератор? Чем они связаны между собой? Мы прокладываем дорожки между людьми и делаем так, чтобы они друг друга начинали понимать, – мы

переводчики, коммуникаторы. К сожалению, мы сами по себе не глубоки по роду нашей профессии. И наша задача как раз найти тех, кто глубок. И суметь сделать так, чтобы другие поняли, где же он там «закопался», что он, как археолог, выкопал в этом своём опыте и чем этот опыт полезен другим. А наша профессия поверхностная. Но это не значит, что издания, которые мы делаем, обязательно поверхностны тоже. Они могут быть и глубоки, но зависит это всё от того, к кому мы обращаемся. Ребёнку нужно одно, аудитории людей с невысоким уровнем образования – другое. Очень многое зависит от профессии, возраста, тематики, уровня знаний. Нет здесь противоречий между тем, что говорится и необходимостью глубины.

И второе, конечно, – образование и самообразование. Для журналиста это обязательная часть жизни. Я вообще очень осторожно бы говорил об очном обучении на факультетах журналистики. Надо сразу тогда сознавать, что появится необходимость серьёзной работы над собой. Я бы предпочёл, чтобы люди получали чётко либо филологическое, либо историческое, либо любое другое образование, а дальше учились бы на этих факультетах, получая второе высшее. Либо другой вариант: можно и учиться, но тогда надо озаботиться тем, чтобы курса со второго, а с третьего уж непременно, трудиться где-то, получать ремесленные навыки. Но тогда надо постоянно заниматься самообразованием дальше. Потому что, на мой взгляд, журналистика – это ремесло. А журналисту очень нужна база, стержень. Необходимо всё-таки сначала получить научно-методическую базу, критическую базу, научится мыслить, а наука всегда учит мыслить и мыслить критически. Журналистике-то, по приходу в профессию, всё равно придётся переучиваться.

Е: Самообразование самообразованием, но в науке часто нужен человек, который вектор этого образования направит.

ВГ: Самообразование – это очень многомерная вещь. Вот в редакции у нас работает один человек, который закончил всего лишь музыкальное училище, сейчас, правда, заканчивает психологический факультет. Уже человек сложившийся, взрослый. Но то, каким образом он открыл Святоотеческое наследие, позволяет и мне его воспринять, потому что сложно, откровенно говоря, читать книги по переводам

Владимир Гурболиков и диакон Александр Карпенко, заместитель главного редактора "Фомы" в Украине

XIX века. Они написаны на некотором другом языке, который я сложно воспринимаю, в отличие от языка Достоевского, Толстого и других наших классиков. Но, безусловно, этот опыт – опыт духовных людей – он намного важнее. И вот один из людей имеет талант не устраивать научных изысканий и научно-богословских экскурсов в Святых Отцов, а именно пытается вытащить для себя их опыт как ответ на свои собственные больные вопросы – он учит меня правильно воспринимать Святых Отцов.

И кандидат философских наук у нас работает, специалист по русской религиозной философии. Он открывает для меня многие фигуры русских религиозных мыслителей, их споры, несогласия друг с другом, их поиски. А третьи люди, которые ищут художественный материал, открывают для меня жизнь художественного мира. Люди учат людей.

В редакциях, вокруг редакций надо собирать интересных людей, нужно учиться у своих героев, вспоминать интервью с ними как передачу опыта. В том числе и для себя самого, а не только для читателей.

Е: Бывает, что в редакцию приходят действительно «глубокие» люди, которые хотят писать, но не имеют ни малейшего представления о журналистике. Вот и поди сыщи для них это самое «необязательное» журналистское образование…

ВГ: Не все должны быть в профессии. Журналистов вообще не нужно слишком много. Кроме того есть люди, которые, не будучи журналистами, могут заниматься социальной, клубной работой. Говорю же, что издание – это в том числе организатор, и тут уже мы сами часто не можем предложить людям способы реализации их устремлений. Это ещё и редакторская педагогическая работа: у них может не хватать таланта журналистского, а у нас педагогического: один плохо пишет, а другой не умеет его научить.

Е: О том, что печатные издания вымирают, сегодня не говорит только ленивый. Газета превращается в журнал или уходит в сеть. Предположим, газета. Но журнал может ли «перетечь» в Интернет? Сомневаюсь, что кто-то на сайте станет читать огромные статьи.

ВГ: Интернет тоже становится абстрактным понятием. Какой интернет? Если речь идёт об электронной читалке или планшете, то станут читать и уже читают. Многие люди, как я например, находя интересный крупный материал, распечатывают для себя и читают глазами с листа. Главное, что многое там есть, многое, что трудно найти другим способом сейчас. По

на фестивале “Вера и слово”

поводу же перетекания форматов разговор немножко спорный. С моей точки зрения, тот же портал «Православие и мир» – это типичная ежедневная газета. Но она выходит в Интернете. Мне говорят, нет, это же новостной интернет-портал. Какая разница? По своему характеру, по тому, сколько живёт большинство публикаций на «Правмире», это газета с хорошей аудиторией. А может быть издание, которое напечатано на газетной бумаге, но де-факто представляет собой журнал, причём, нестареющий. И мы выпускали такие приложения. Это такие очень сложные малоуловимые материи. Тут вопрос в том, что нужно в зависимости от того, на кого направлено издание, кого журналист хочет с собой связать и кого он пытается вовлечь в диалог.

Е: Меж тем, я заметила, что у «Фомы» стал несколько «мониторный», компьютерный вид: отсылка туда, отсылка сюда – как Интернет, только бумага. Не сказать, что полностью, но моменты есть.

ВГ: Мы пытаемся найти элементы наглядности. Что бы кто ни говорил, советские люди, увы и ах, намного более образованны. Они приобрели огромный опыт на фоне различных исторических перемен, на фоне советской школы, на фоне очень неплохого советского вузовского образования. Им на смену идут поколения читателей, которые вообще не могут разобраться и этот опыт переварить. И мы начинаем идти навстречу этим людям и их привычкам. Да, в каком-то смысле получается, что мы немножко разгружаем журнал, он становится менее интеллектуальным: там появляется больше информационной графики, там появляются истории в картинках, чего раньше никогда не было, и при этом дизайн становится связан с традицией чтения в интернете. Всё потому, что мы пытаемся выйти навстречу вот этим детям, многие из которых начинали с интернета, а потом только вдруг решились взять в руки печатное издание. Мы же знаем, что есть такая проблема.

Е: Как Вы отвечаете на претензии, касающиеся присутствия в «Фоме» медийных персон?

ВГ: На этот вопрос наш ответ не хотят слышать. Во-первых, для нас медийные персоны – это не образцы подлинного поведения, даже если они крестились и ходят причащаться. Мы привлекаем их как людей, которые помогают в диалоге между верующими и неверующими. Мы выбираем для «Фомы» героев в ситуации, которая была бы интересна людям далёким от Церкви. А дальше оказывается, что разговор вокруг известного человека, которого все и так обсуждают, или разговор вокруг некой проблемы объединяет всех и получает новый ракурс. При этом ошибки в выборе персон или неточный выбор темы разговора – это вина журналистов – нас.

Но уйти от диалога с известными людьми, значит покинуть одну из площадок и журналистской, и миссионерской работы. Зачастую наши разговоры, простите, практически в курилках проходят. Выйдите и послушайте: о чём люди говорят? Что они обсуждают? Какие передачи смотрят? Смогут они с нами обсуждать сразу, предположим, духовный путь того же Василия Великого? Я думаю, нет. Нужно с чего-то начать. Нужно найти площадку для общения, нужно чтобы они в какой-то момент затушили свои сигареты, задумались, и разговор вдруг стал глубже. Мы постоянно усложняем для себя задачу в поиске таких людей и в поиске того, чего мы от них хотим. Это ещё один способ встречи, и мы благодарны тем, кто соглашается прийти в «Фому» и рассказать о своих переживаниях, опыте. Потому что они помогают нам в диалоге с людьми, которые просто даже привыкли к тому, что иллюстрированный журнал – это в первую очередь персоны.

У меня ощущение, что критикующие исполнены некоего не очень правильного духа с элементом осуждения, в отношении людей, которые виноваты только том, что их показывают по телевизору. Я при этом понимаю и боль… Это и наша боль тоже, что чаще обсуждаемыми людьми становятся не врачи, учителя или шахтёры, а люди, которые в основном занимаются развлечением, шоу. Мы над этим много думаем: вот сейчас на обложке директор гимназии. Мы пытаемся уйти от этой ситуации, но попробуйте сделать героем интересным, сложным, многоплановым человека, которого никто не знает, найдите способ подать. Сделайте качественно и так, чтобы масса людей захотела прочесть. Как же этого достичь? Если кто-то знает как – прекрасно.

Е: Как, по Вашему мнению, следует относиться к тому, что говорят эти люди? Здесь раскрывается их суть, а суета в светских СМИ – пустое дело?

ВГ: Нет, не всегда пустое дело и не всегда суть. Потому что некоторых наших героев мы стараемся зацепить тоже, потому что по отношению к этим людям тоже нужна миссия. Они же воздействуют на сознание других людей, они тоже должны меняться и задумываться над тем, что они делают. Эти люди интересны и они несут ответственность за многое, что они делают, они часто недостаточно задумываются о своей миссии. Интервью – это ещё и зеркало для героя. Мы не проповедуем идею, что «ты нацепил крестик, сказал, что ты православный и с этого момента ты наш кумир! Вот, мол, подражайте такому способу восприятия Православия». Для нас главный герой – это христианский праведник. Но просто нужно пройти большой путь для этого, и мы стремимся его показать на разных стадиях. Сначала человека нужно увлечь за собой.

Мы забываем, что у нас есть непререкаемые церковные авторитеты, но в нашем сознании они почему-то омертвели: Апостол Павел ведь шокировал и самих апостолов. В Афинах он шёл на ареопаг, где заведомо собирались среди статуй языческих богов философы, которые никакого отношения к благочестивой вере в Бога не имели. Он делал то, что казалось странным, но и Христос делал то, что казалось иудеям странным: собирал вокруг себя блудниц и мытарей… Это как?! А давайте перейдём на современный язык и попытаемся представить себе вот эту компанию. И вдруг это нас тоже очень шокирует. Мы тоже пытаемся идти на это людское торжище, и там начинаем в разговоре, в котором люди видят только одну сторону, вдруг заговаривать с ними о живом Боге и о пути к нему.

Ни в коем случае для нас не является главным героем ни журналист в нашем лице, ни наш собеседник, который занимается спортом или снимается в кино. Другое дело, что эти люди часто в быту, в реальной своей жизни намного скромнее и взыскательнее к себе, чем кажется. И они, зарабатывая, может быть, неплохие средства, почти все стремятся к делам милосердия, стараются помочь, переживают и понимают меру своей ответственности. Притом, они на виду у нас всех и грешат теми же грехами, которыми грешим мы, но искушаемы намного больше тоже на виду у всех нас. Поэтому, я ко многим испытываю уважение, и мне всегда очень грустно, когда христиане позволяют себе осуждать человека: не грех, а конкретного человека, и уверенно это делают. Когда начинаются упрёки в лицемерии и прочее. «Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» – Кто сказал? Христос. Кого мы слушаем? Христа, или мы уже выше Него себя поставили? Или мы епископы, архиереи и духоносные старцы, чтобы рассуждать о человеческой душе? – Нет, нам сказано «не судите». Слава Богу, нам не вменён крест судить. Боже мой, Это же счастье большое! Давайте следить за собой и радоваться устремлению человеческих душ.

Е: Существует негласное правило опасаться слова «православный» на обложке журнала. Мы хотим быть миссионерами, но боимся об этом сказать, потому что круг читателей сужается. Вчера слышала, что кто-то нашёл выход: «мы светское издание, но издаёмся по благословению». Это выход или это не совсем честно? Или это просто один из вариантов?

ВГ: Это в зависимости от того, как благословляет священноначалие. Это может быть и выход, но в любом случае нужно в отношении Церкви иметь послушание. Варианты могут

быть разные. С моей точки зрения, обозначения «православный» не столько надо бояться, сколько надо понимать, что не всегда оно применимо. Скажем, когда идёт рекламное объявление «православный юрист» или «православный адвокат», то понятно: может быть и правда, что человек верующий и просто подчёркивает этот момент, но вызывает это сложные чувства. То же и православный писатель: как некоторые мои знакомые литераторы говорят, правильно говорить о том, хороший ты писатель или нет, а о своей православности рассуждать в личностном плане. Православный ли ты человек, верующий ли? Иначе получается, что словом «православный» часть людей оправдывает свою графоманию.

Если издание посвящено медицине или педагогике, оно может выступать в том числе с позиций веры, но при этом быть светским изданием и даже не иметь благословения, никто же не может этого запретить. Есть также очень интересные, серьёзные книги, которые по разным формальным причинам не могут получить одобрение Издательского Совета Русской Православной Церкви. Но когда они продаются в светских книжных магазинах, это часть православной миссии. Словом «православный» не надо сорить. Когда мы расширяли круг читателей, у нас в «Фоме» было своё размышление, сохранять ли нам слово «православный» в формуле «православный журнал для сомневающихся». Мы сознательно приняли для себя решение, что мы это слово сохраняем независимо от того, что кто-то может из-за этого не прийти к изданию. По крайней мере, это показывает разную степень расположенности человека к диалогу с верующими людьми. Значит, кто-то к этому диалогу просто не готов, что же делать?

В принципе, самого слова «православный» бояться не нужно. Другое дело, что если это слово применяется, то оно налагает очень серьёзную ответственность. А по благословению, т.е. по согласию опытных церковных людей, можно делать и проекты, в которых слова «православный» нет. В отношении же таких проектов как наш, опыт показывает, что, в общем-то, слово «православный» никому особо не мешает. Вопрос в том, удалось ли войти в диалог с читателем.

Е: За все годы издания «Фомы» что оказалось радостнее всего? Что удалось? Что продолжает тревожить?

ВГ: Даже у настоятеля храма есть возможность результат своего труда «померить» количеством причастников. У нас такой возможности нет, ведь цифры подписки ничего не говорят об итоге. Я знаю, что очень многие люди пришли в Церковь за эти годы. Но сказать вам, что «благодаря «Фоме» крещено столько-то в прошлом нецерковных людей!» (улыбается) «Из них к причастию ходит такое-то число… – это шутка, самоирония – не можем мы так сказать. Мы многому научились, вместе трудясь. Постарались стать одной из православных общин, потому что «Фома» – это ещё и братство людей в вере.

Коллектив «Фомы» не однородный, у нас есть свои сложности. Умение сохранить любовь, как Спаситель завещал, все эти годы остаётся целью и в отношении с читателем, и в отношении с критиком, и внутри редакции, внутри всего круга, который связан с «Фомой». Это самая большая наука о том, как преодолеть разрыв между тем словом, которое мы пытаемся нести, и тем, как мы сами себя ведём. Но это наука, которой до смерти придётся учиться, просто «Фома» постоянно задаёт планку для нас самих, потому что ты говоришь одно, но, увы, иногда плачешь и рыдаешь от того, что сам делаешь что-то иное – непотребное, непристойное, недостойное. Вот я думаю, что в этом смысле самое важное сделал Бог для всех нас.

Если говорить об общественном признании, то вот я в начале года я получил премию правительства Российской Федерации, и там была обозначена одна очень важная вещь, что премия дана за укрепление связей между Церковью, обществом и государством. Мы, сами того не ожидая, оказались такими посредниками не только между людьми, не только в диалоге церковном, а стали изданием, которому люди доверяют, когда пытаются выяснить позицию Церкви, пытаются её для себя понять, не будучи церковными людьми и не очень хорошо разбираясь в официальных и прочих ситуациях и раскладах.

А что до внутреннего… Сказать, что чем-то особенно доволен я… Я потрясён тем, что нам дано столько лет вопреки стольким обстоятельствам исполнять это дело. Ведь причин, по которым могло бы не начаться либо прекратиться издание «Фомы» было и остаётся множество, потому это каждодневное чудо –

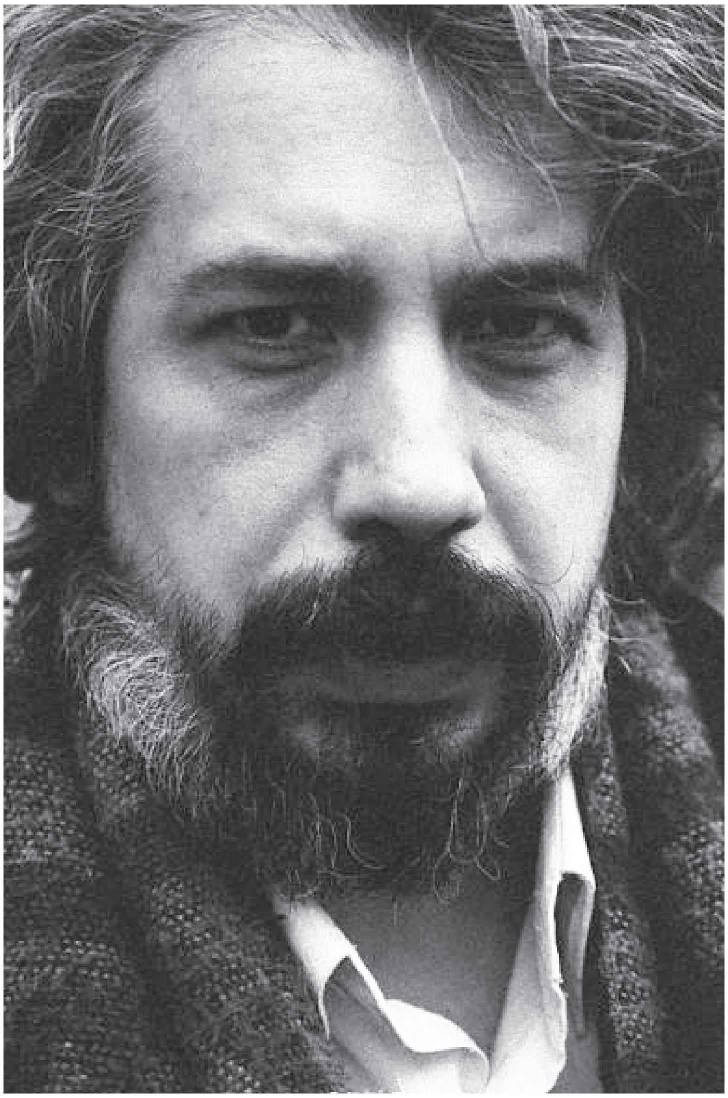

фото из архива Владимира Гурболикова

то, что есть «Фома». Он не опирается на баснословные денежные возможности: мы получаем материальную поддержку от нескольких человек, от единичных жертвователей, которые, опять-таки, многие годы вопреки кризисам умудряются нас поддерживать. И при этом всё на высшей планке напряжения: кто сколько может, потому что больше уже не нельзя. Такая общая отдача и общее ощущение удивления от того, что ещё год прошёл и ещё год… Выпустили пятьдесят номеров, выпустили сто номеров…

И это не исчезает, появляются новые поколения молодых журналистов. Да и мы – те, кто создавал журнал, – уже начинаем чувствовать, что входим в другой возраст. Люди приходят и подхватывают то, что мы делаем. Мне кажется, сейчас самый главный момент…

У меня всегда есть опасение, что мы сделали намного меньше, чем Господь ждал от нас. Тревоги две: одна – что мы слишком недоступны тем, кому мы больше всего нужны, а другая – это передача опыта. Я считаю, что «Фома» – это определённая журналистская школа, и вопрос стоит о том, сможет ли сохраниться традиция, будет ли возможность передать этот опыт. Потому что мы в России имеем очень много случаев, когда прерывается какая-то традиция. Иногда насильственно пресекается, но иногда это происходит стихийно. Но думать об этом надо сейчас, а не в тот момент, когда нужно будет подписывать завещание дрожащей рукой.

Я думаю, что мы ещё можем послужить Церкви, и стараемся это делать, но только хорошо ли стараемся, большой вопрос. И с другой стороны, мы ведь говорим, что каждый из нас – это частица Церкви, часть Тела Христова. Тогда все мои тревоги скорее обо мне именно как о человеке, который не умеет жить настоящей духовной жизнью. Потому что, если ты этот мирный Дух стяжаешь, то дальше всё, что Господь благословит, будет сделано. А так, Он вопреки это делает – вопреки тому, что я собой представляю. Вот это для меня тревожно. Остальное – это тревоги, которые и не тревоги вовсе, а нормальная человеческая жизнь.

ТЕМА НОМЕРА

И ещё. Православную журналистику должно волновать то, что важно, а не то, что любопытно.

Владимир Гурболиков в интервью Анне Даниловой

А на сегодняшний день религиозной журналистики не существует. Сегодня есть официальные сводки событий Русской Православной Церкви.

Мария Свешникова в интервью Анне Даниловой

ЕЛЕНА БАБИЧ

ЦЕРКОВЬ И СМИ. ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

«Вера и слово» 2012 +фоторепортаж Игоря Ждановича

итоги фестиваля глазами "Поколения"

Есть существенная разница между моментом, когда в редакции мы только начали обсуждать новую тему, и моментом, когда на эту тему пришло-таки время самим высказаться в журнале. После поездки на V международный фестиваль православных СМИ «Вера и слово» от внешних впечатлений о теме захотелось уйти и, прежде, что называется, «посмотреться в зеркало». Можно сколько угодно обвинять светские СМИ во всех смертных грехах по отношению к Церкви, притом иной раз не безосновательно, но уж точно бессмысленно, пока мы не научимся начинать с себя.

«Как летом роем мошкара летит на пламя, слетались хлопья со двора»… к «оконной раме» автомобиля отца Антония. В кювете восемнадцать машин, три из которых и заподозрить было нельзя в том, что когда-то у них был капот. «Лёдо-снего-дожде-град», беспорядочно падающий с неба, тёмная ночь и около семисот километров до Зеленограда, благо, на зимней резине в конце октября есть то, что нам пришлось преодолеть на пути «к истине».

Её-то мы и пытались уловить среди бесед, круглых столов, презентаций и выставок пятого международного фестиваля православных СМИ. Скажу откровенно, «эврика» на фестивале не прокричали ни разу ни участники, ни организаторы. Скорее, все мы ещё раз обратились, уже целенаправленно, к проблемам, которые существуют внутри православной журналистики – не к внешнему, а к внутреннему, к узкому и даже «внутричковому». Я чувствовала, что, может быть, даже впервые православные журналисты смотрели на себя не как на жертву «безбожного мира», а как на «часть той силы», как на тех, кто также виноват, и где-то даже больше, поскольку больше ответственен.

Разумеется, мы не станем сейчас вести ни в чём не повинного читателя ещё дальше в дебри внутренних проблем, но очертим лёгкую тень их с помощью некоторых прозвучавших на фестивале высказываний. Думается, в них много лаконичной сути. То же и в коротком фоторепортаже.

Владимир Легойда

Председатель Синодального Информационного отдела Московского Патриархата, педагог, журналист.

«Зачастую мы не создаём повестку дня, но участвуем в ней»

Разговор о том, что православному постоянно приходится объясняться, «выкручиваться», «придумывать» реакцию на очередной выпад в сторону Церкви, вёлся без преувеличения все четыре дня, отведённые фестивалю. Пословица «дурак может задать больше вопросов, чем умный дать ответов» для нас стала не просто актуальна – это настоящая проблема. Задавать некорректные вопросы Церкви в последние полгода стало «модно», а после радоваться тому, что никто не может на них ответить достоверно. Для того чтобы не оправдываться без дела, есть выход: создавать свою повестку дня – начинать говорить правильно прежде, чем начнутся неправильные толки. Во всяком случае, выходом, способом и вообще естественным делом это считает Владимир Легойда. Дерзну предположить, что это всё же выход не идеальный: чем он отличается от прежнего оправдания? Получается «скажи сам о своих недостатках, чтобы закрыть рот злопыхателям» – оправдание то же, но уже мягче. Впрочем, если мягче, это уже хорошо.

Владимир Легойда

Елена Зелинская

Владислав Фронин

Главный редактор «Российской газеты»

«Атеисты требуют уважительного диалога»

И вот в этой ситуации оказалось, что церковная журналистика просто не готова к такому повороту событий. Она привыкла разговаривать только со своими, не вдаваться во «всем известные» детали, не привыкла совершенно к критике и вообще к каким-либо вопросам со стороны. Иными словами, журналистика не привыкла к журналистике. Меж тем, такая привычность – обычное дело для светского журналиста, и если он задаёт вопрос (он, общество или ещё кто-то но публично), то считает себя в праве получить, естественно, не высокомерный ответ, не грубый, притом логичный и достоверный. Если это желание плохо, бросьте в меня камень, я присяду.

Владислав Фронин

Елена Зелинская

Журналист, вице-президент «Медиа Союза», писатель

«В этой системе практически не учитывается читатель. Мы почти не видим этого нового читателя»

«Уберите назидательный тон!»

А бросать камни станут как раз люди непрофессиональные и ленивые. Появился читатель, зритель, просто интересующийся человек, которому нужно аккуратно и, главное, умно объяснять – человек, которому нужен толковый миссионер, а не базарная бабка или «наставник на пути истинном» в лице журналиста. И вот этот интересующийся человек никак не может мирно ужиться с другим человеком – человеком, которому «всё понятно». Этот второй, считая себя обладателем истины, ничего не хочет растолковать (потому, что не может), предпочитая острить или «назидать». Это вкупе с самоуверенностью и пафосом раздражает всех. Это же и болезнь некоторых православных. Если этот православный ещё и журналист, всё особенно печально.

Андрей Золотов

Журналист, до июля 2012 главный редактор журнала «Russia Profile»

«Задачу влияния надо ставить себе в последнюю очередь»

Мне лично очень жаль, что, становясь православными, многие… деградируют. Да-да, именно деградируют: больше ничего не хотят понять, не ставят перед собой никаких вопросов, перечёркивают полмира и хотят этому всех научить. Приходят в православную журналистику без тени вопроса и сомнения с одной задачей – повлиять. Это ещё не вся беда целиком: решение этой задачи – вот совершенная беда. Хотят, чтобы верили, – говорят «верьте», хотят, чтобы поняли, – говорят «поймите». Аудиторию как котёнка тычут носом в место, где он нагадил, желая при этом уважения со стороны котёнка. Конечно, попытка анализа поведения котёнка далеко не всегда имеет смысл, но есть ли у нас право считать аудиторию котёнком и уж тем более куда-то носом её «тыкать»? То, что хозяин считает себя умнее, совсем не значит, что так оно и есть.

Василий Анисимов

Журналист, руководитель пресс-службы Украинской Православной Церкви Московского Патриархата

«Как с такой проблематикой можно стать читабельными?»

«И вправду, как?» – подумала я в момент, когда Василий Анисимов потрясал в воздухе «Журналом Московской Патриархии». И ведь всё та же проблема – отсутствие вопросов, в частности вопросов жизненных. Мы (и журналисты и не журналисты) часто закрываемся от мира неоправданно. Быть может, просто не хотим на него смотреть, отворачиваемся от момента, когда машина наезжает на собаку. Смирение..?

«Не обслуживать, но служить»

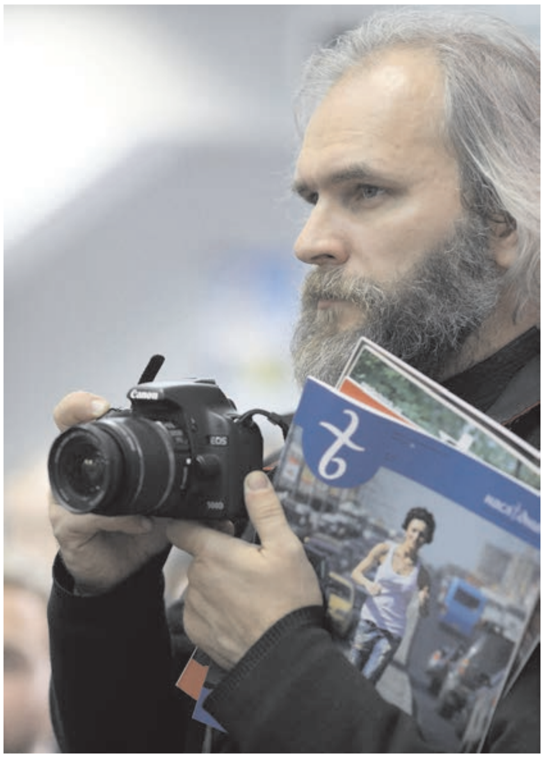
Фраза, прозвучавшая на фестивале из чьих-то уст, увы, не знаю из чьих. Слишком важная, чтобы по этой причине о ней забыть. Ещё одна беда, ещё одна крайность. Ещё один повод к развитию – научиться второму взамен первого, понять второе и ни в коем случае не перепутать Божий дар с яичницей. Задача для всех христиан, какая бы профессия их не занимала.

октября 2012 год

СВОЙ ПУТЬ

Поэтому каждое выступление в СМИ нужно строить как «репортаж с петлей на шее».

Ольга Гуманова в интервью Анне Даниловой

АНАСТАСИЯ АВДЕЙ

КАК СЛУЧАЕТСЯ НЕСЛУЧАЙНОЕ

«архитектурная» история Елены Счастной

архитектор Архиерейского подворья Елена Счастная

Путь к Богу никогда не бывает заурядным. Можно с детства расти в религиозной семье, где будут строго прописаны все каноны и правила, но не найти Света Божьего…

…А можно, как я, родиться в семье работника райисполкома. Моя мама работала в организационно-инструкторском отделе, а затем стала его заведующей. Иногда ей поручали проверку костёльных книг, тех, в которые записывают все сведения о церковных требах (крещение, венчание, отпевание). То есть она проверяла, крестят ли коммунисты своих детей и тому подобное. Мама была крещена в Православии, но воспитана в духе времени, когда о Боге особо не говорили.

У меня на родине, в Вороновском районе, в советское время не было церквей, только костёлы, а мама не хотела крестить меня в католическом храме. К тому же, будучи членом партии, она не хотела лицемерить. В общем, в детстве меня так и не крестили, хотя бабушка очень на этом настаивала. Зато воскресную школу я посещала (с момента образования православного прихода в честь Святого Александра Невского в г.п. Вороново) и успела выучить «Отче наш…», покаянный 50 псалом и Символ Веры. Понимала, что такое Причастие, что можно помолиться, попросить у Бога о чём-нибудь, но не глубже этого.

Когда я выросла, жизнь забросила меня учиться в Минск. Я решила стать архитектором. Сначала был колледж. Летняя практика тогда проходила на Военном кладбище. Всё потому, что оно было рядом с нашим учебным заведением. Практика называлась «обмерная». Нужно было сделать зарисовки в разных техниках (рисунок, живопись, цветная и монохромная графика) плюс обмерочный чертёж архитектурного фрагмента здания, например, окон. Архитектура на кладбище не самая многообразная – в основном церковная. Помню, что меня очень пугали кладбища, там было некомфортно, страшновато. Пока мы проходили практику среди старых крестов, могил, к нам иногда подходил священник, заговаривал о Боге. Мои одногруппники даже посмеивались, что батюшка всё время как-то случайно выбирал в собеседники именно меня, давал книги, иконы. Но на тот момент я просто не понимала, что в церковь можно не только заходить и молиться, когда тебе требуется помощь, но и когда помощь не требуется, а ты ощущаешь желание пойти на службу в храм. Всё это пришло уже позже.

Вскоре я поступила в университет, а когда его окончила, меня распределили в Гродно. Я собиралась поступать в аспирантуру и расцени-

вала этот город как промежуточный пункт. Сейчас я уже понимаю, что всё было неслучайно.

Первый самостоятельный проект, который мне поручили в реставрационной мастерской – реконструкция Архиерейского подворья. Я даже не понимала, что означает это словосочетание. Мои сослуживцы-иноверцы тогда подшучивали надо мной, что, мол, вот и покрещусь я, наконец, с таким проектом. Как говорится, мысль в меня вложили. Так и случилось. Это не было каким-то навязанным действием, я понимала, что это серьёзный и ответственный шаг. Очень запомнилось, что в день крещения была плохая погода: зима, холодно, шёл мелкий дождь. Это была суббота, а на следующий воскресный день (престольный праздник в честь Николая Чудотворца зимнего) вдруг вышло солнце и выпал первый снег. Мне было так радостно на душе от первого Причастия, от того, что вдруг незнакомая женщина в храме протянула мне просфору. Словно изменения во мне, благодаря такому важному шагу, повлияли на окружающую действительность! Уже после таинства я почувствовала, что на меня легла большая ответственность за мои мысли и поступки (ведь к первому Причастию я шла без исповеди, поскольку Крещение смыло все грехи). Понимала, что сейчас всё стало намного сложнее, нежели было раньше. Но это не пугало, нет.

Тем временем, через год активной работы над проектом в реставрационной мастерской проектного института сменился руководитель, который достаточно холодно отнёсся к работе над этим объектом. Поскольку предыдущий научный руководитель объекта уехал за границу, я предложила свою помощь, и епархиальное руководство, немного подумав, согласилось. И работа приостановилась. Но наоборот, Владыка и отец Анатолий Ненартович меня очень поддерживали.

Так меня назначили научным руководителем. Тогда я очень серьёзно ко всему отнеслась, стала изучать законы об охране архитектурного наследия, методики реставрации, много спорила с руководством, но к соглашению мы всё-таки пришли. Работа и по сей день продолжается, только теперь это уже стадия строительства.

Елена Счастная

Когда шла работа над проектом Архиерейского подворья, я получила приглашение переехать в Минск, но что-то меня остановило. В голову приходили мысли, что не стоит бросать начатое дело. К тому же снова — промысел Божий: через пять лет после моего Крещения Владыка заложил капсулу в строящийся домовой храм на Архиерейском подворье, который будет освящён в честь Николая Чудотворца. Я почувствовала, что крестившись здесь, я как будто приросла душой к этому городу, который раньше считала временным явлением. Сейчас я нисколько не жалею о принятом решении, потому что мне нравится Гродно. Во-первых, в нём много интересных объектов для архитектора, которому нравится реставрация и старинная архитектура. А во-вторых, это тот город, который ты можешь объехать за день, а Старый город – обойти пешком! Иными словами, он очень комфортный для жизни.

Сейчас я руководитель дизайн-группы в том же проектном институте. Работа над Архиерейским подворьем как-то негласно открыла мне дорогу к другим церковным объектам. Так как опыт работы уже есть, ко мне стали обращаться за советами и поручать разработку проектов. Сейчас я занимаюсь проектом реконструкции Свято-Марфинской церкви и строительным проектом малого храма приходского комплекса в честь иконы Божьей матери «Взыскание погибших» по улице Советских пограничников в Гродно. Недавно довелось выполнять эскизы входных дверей для собора Всех Белорусских Святых, теперь помогаю настоятелю храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы в д. Алекшицы, делая тоже эскизы дверей, свечной лавки, аналоя.

Что я чувствую, когда работаю? Ощущения всегда разные. Когда я начинала сотрудничать с церковью, я читала про особый настрой иконописцев перед написанием икон и думала, что мне удастся тоже так работать. Но, увы, когда заказы для церкви не ежедневная работа, сложно всегда сохранять мир в душе. Иногда просят срочно сделать эскиз и раздумывать, настраиваться некогда. Бывает, думаешь дольше, если не видел примера или стиль церкви необычный. Конечный результат получаешь не сразу, ведь храм – не просто здание с определённой функцией. К тому же есть человек, который за всё отвечает, – настоятель, и сделать что-то по шаблону не получится. Есть много нюансов, и нормами всё не предусмотрено.

После крещения в моей жизни многое изменилось. Теперь я реже делаю поспешные выводы о людях и стараюсь не принимать решений, когда эмоции ещё кипят. Я стала больше доверять. Самый главный урок, который я получила и который стараюсь проносить через все сферы моей жизни – это умение прощать. На руководящей должности это ещё сложнее. Не всегда получается, но я не опускаю руки. Иногда приходится просить прощения тогда, когда не считаешь себя виноватым, идти на уступки, больше разговаривать с человеком. И православная вера с призывом любви к ближнему и прощения, многое изменила во мне. Эгоизм, который раньше был основным принципом для меня в жизни, как-то потихоньку сдаёт позиции. Конечно, когда крестишься в сознательном возрасте, получив перед этим профессию и небольшой жизненный опыт, сложно меняться, но возможно. К тому же, по словам моей матери, вряд ли она, партийный работник, могла представить, что её дочь будет проектировать храмы.

Не бывает ничего случайного, и я рада, что всё сложилось именно так.

ВЕРА

«Я говорил об этом уже много раз. Православная журналистика, коль скоро она претендует на это звание, должна быть христоцентричной».

Владимир Легойда в интервью Анне Даниловой

СВЯЩЕННИК АНТОНИЙ СЕМИЛЕТ

КРЕЩЕНИЕ: ПОЧЕМУ СИМВОЛ ВЕРЫ НАИЗУСТЬ?

или один день из жизни «злого» попа

Святитель Филарет писал, что пока наша вера покоится на Священном Писании и Символе веры, она принадлежит Богу, Его пророкам, Его апостолам, отцам Церкви, это ещё не наша вера. Но когда она закрепляется в наших мыслях, нашей памяти, тогда мы обрели её, обладаем ею. Следовательно, необходимо изучать все 12 членов Символа веры для того, чтобы слова, которые мы слышим за каждой литургией, пробуждали нашу мысль и делали нас сознательными членами Церкви Христовой.

Владимир Лосский
(из «Толкования на Символ Веры»)

таинство Крещения в Ольгинском храме в Гродно

Проблема

Это тот самый вопрос, который задают изумлённые крёстные священнику на собеседовании. И как результат — слышат ответ. Ну, а почему нет? Разве Символ веры не надо знать православным? Разве они не верят в те истины, о которых он говорит? Да и как это: крестить, не понимая, что значит крестить; давать клятву о воспитании в вере и не знать, во что верит православный?

По мне, так это безумие. Всё равно, что с закрытыми глазами вести сына через пропасть. И сам не перейдёшь, и ребёнка не спасёшь. Нет страшнее такого состояния. Незнание порождает ложное знание, суеверие и прочее из этого же ряда.

И не надо себя тешить, господа, что прилетит Гарри Поттер и волшебной палочкой исправит в будущем наши недочёты. В деле воспитания только личный пример способен преобразить душу человека. Это пока дитя спит и ест. Но придёт время, и оно станет задавать вопросы: «Папа, у меня есть крестные?», «Мама, а кто они такие?», «И зачем они нужны?», «А почему они не ходят с нами в церковь?» Так вот, на последний вопрос хоть оправдаться можно: мол, далеко живут, много работают, очень заняты. Благо, если ребёнок вообще задаст похожие вопросы, значит, родные мама и папа всё-таки имеют привычку говорить о Боге в присутствии малыша и даже посещать богослужение. Но ведь ребёнок может спросить и о главном.

Итак, почему же крёстные должны знать наизусть Символ веры?

Сразу хочется вспомнить пословицу «Насильно мил не будешь». Ведь никто не заставляет крёстных быть крёстными. Разве было такое, чтобы батюшка с кнутом в руках и с криком «Даёшь крёстного!!!» тянул вас, что говориться, под крест. Нет, и не могло быть. Вообще природе православной проповеди несвойственно заставлять. Православие свидетельствует и, как наставник, наставляет, то есть учит о Боге Воскресшем. Ну а раз так, и ты сам принял решение стать крестным, то будь любезен принять с должностью права и обязанности.

Крестный вправе молиться за себя, за ребёнка, им воспринятого из купели, вправе воспитывать его в вере, посещать, причащать, учить в соответствии возрасту исповеди, молитвам и многому другому, что вытекает из молитвенной, богословской культуры Церкви. Но он же и обязан всё это выполнять по мере сил в соответствии с реалиями своей современной жизни.

Ну, конечно, знать Символ веры нужно не только потому, что должность обязывает. Это

вытекает и из сути самого Крещения. Ведь крестим не от порчи и не для некоего, по народному представлению, хождения под Богом, а для того, чтобы вырастить искреннего православного, знающего свою веру, познающего Христа.

Собеседование

«А вы знаете Символ веры?» «Что это такое?» Такие стандартные вопросы задаст любой священник при встрече с вами.

«Так вы знаете Символ веры?....» И вот здесь в 90% из 100 воцарится тишина и пауза. После чего мелодию безмолвия нарушит столь резкий не по интонации, а по неожиданности вопрос: «А вы православный?» Поверьте, этот вопрос изумляет многих. И в ответ слышишь: «Ведь как же, я всегда им был, да я и не помню, когда я имто и не был. Что-то батюшка придумал. И зачем такие вопросы?»

Да всё просто. Ну не хочет священник становиться соучастником преступления. Какого? Убийства духовного. Малыш только успел родиться, только начал осваивать законы жизни, он чист душой и не имеет личных грехов. Его бы беречь, как драгоценный сапфир, в полном эфире. Так нет же, пусть смолоду познает грех миробытия! И кто же его этому учит? Сами родители, и всё те же крёстные, которым всё равно. Своим равнодушием, безответственностью они порождают смерть для души малыша. Кто же рад, когда умирает ребёнок? Такая картина вызовет слезу даже у самого чёрствого и жестокого человека.

А причём здесь священник? Разве он виноват, что родители и крёстные ведут к духовному самоубийству своё будущее поколение? Нет. Потому и заставит крёстных знать Символ веры наизусть.

Это конечно не сможет во всей мере показать будущим духовным родителям, как надо верить, и самое главное в Кого. Но сам процесс, он, возможно, напряжёт в человеческой душе струны, на которых уже давно никто не играл Божественной мелодии. И кто знает, может эта банальная зубрёжка малопонятных слов молитвы откроет новый мир для самого крёстного. И, между прочим, на собеседовании эти непонятности священник даже объяснит.

Верую...

Вера – это греческое слово, которое скрывает в своём значении важное свойство людей – доверие. Мы верим, значит, мы доверяем.

Сам текст Символа веры – это не придуманное в кабинете заявление Церкви о том, во что она верит. Символ веры написан на злобу дня в IV в., когда Церковь страдала от ложных представлений о Христе. И до того существовали так называемые «правила веры», но они несли молитвенную функцию и потому исполнялись только за богослужением. Но Символ веры, созданный на первых двух Вселенских соборах (325 г. — Никейский и 381 г. — Константинопольский) приобрёл статус ещё и общего православного исповедания того, во что мы верим, впервые Символ веры приобрёл догматичность.
Текст Символа веры принято делить на 12

Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

(Верую во единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего и видимого, и невидимого)

Мы говорим: «Верю в одного Бога», — потому что в жизни много других богов. Они настолько различны, что поглощают человека своим греховным разнообразием. Но для нас Бог один, и нет никого, кроме Него. Бог, Который сотворил, создал нас и всё, что вокруг нас, что мы видим и что не можем рассмотреть глазами. Только Он не поглощает меня своим миром. Только Он не делает из меня робота страстей. Только Он даёт мне силы быть добрым. Верю в Бога, Который не абстракция или природа, но Кто есть Личность. Личность, открывающая себя человеку в примере любви и общения. Бог, Который и есть Любовь.

И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единороднаго, иже от Отца рожденнаго прежде всех век Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, имже вся быша.

(И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, от Отца рождённого прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рождённого, несотворённого, единосущного Отцу, через Которого всё произошло)

Этот стих обращён против тех, кто учит, что Христос не Бог, а только подобен Богу, как бы Бог, тот, кого Бог усыновил. В IV в. пресвитер Арий и его последователи учили об этом. Данным стихом Символа веры мы признаём Христа Богом нашим. Мы говорим, что Он рождён, но не так как все мы люди. Если мы рождаемся во времени, то Он рождён вне его. Мы верим, что Христос участвовал в творении мира.

Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес, и воплатившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася.

(Ради нас, людей, и нашего ради спасения сошедшего с небес, и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и вочеловечившегося)

Бог стал человеком. Он принял нашу плоть. И всё это ради того, чтобы спасти нас от рабства греху. Только Он мог победить эту зависимость через столь сильное смирение себя – Бога – до уровня человека. Мы говорим, что Его рождение от непорочного зачатия.

Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша и погребена.

(Распятого же за нас при Понтии Пилате, и страдавшего, и погребённого)

Мы помним те муки, которые претерпел Спаситель на кресте. Во времена правления Пилата, приморского правителя, эта была не только страшная по боли, но и позорная по сути казнь для самых отпетых преступников. Христос принял на себя эти муки, не будучи виновным. Он был распят для нашего освобождения.

И воскресшаго в третий день по Писанием.

(И воскресшего в третий день по Писаниям)

Здесь фундамент нашей веры. Без него вера наша пуста и бессмысленна. Воскресением мы надеемся на будущую жизнь после смерти.

Это знание, которое даёт нам воскресение из мёртвых самого Христа. Он воскрес и нам даровал такой путь. Он воскрес, как и говорили пророки.

И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца.

(И восшедшего на небеса, и сидящего справа от Отца)

Если принятие Богом человеческого естества стало началом земного служения Христа, то его вознесение на небо окончанием. Оно произошло в 40-й день после того, как Христос воскрес. Своим восшествием на небеса Господь прославил нас людей пред Отцом своим. И это даёт нам надежду на спасение.

И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же царствию не будет конца.

(И снова грядущего со славою судить живых и мёртвых, и Царству Его не будет конца)

Верим в то, что Христос придёт снова на землю. И Он уже будет судить нас всех по делам нашим, по совести нашей. После же Он установит царство Божье, которое никогда не исчезнет, как это было с иными человеческими цивилизациями.

И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, иже от Отца исходящаго, иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.

(И в Духа Святого, Господа, Животворящего, от Отца исходящего, со Отцом и Сыном равно поклоняемого и славимого, говорившего чрез пророков)

Верю в Духа Святого. Эти слова направлены против тех, кто говорил, что Дух не есть Бог. Именно это утверждал Македоний, еретик всё того же IV в. Дух по своему свойству исходит от Бога Отца. Он есть сила Божья, подающая жизнь всему.

Во едину святую, соборную и апостольскую Церковь.

(Во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь)

Церковь создана Христом как собрание-союз верующих в Него. Она им создана единственной и неповторимой, после которой нет иных, как нет и двух истин. Церковь одна по времени. Она та же, что и пять веков назад. Церковь едина в пространстве. Она та же, что в Африке, что в Беларуси.

Церковь святая, так как её создал Бог. Но она стремящаяся к совершенству, так как в неё входят люди со своими страстями.
Церковь не управляется человеком. Во главе стоит Христос. Но она в земной своей деятельности руководствуется соборным мнением многих, а не одного.

Церковь создана Господом, Который поручил её своим ученикам святым апостолам. Они оберегали её подлинность через своё преемство. И это преемство принадлежит епископам и по сей день.

Исповедую едино крещение во оставление грехов.

(Признаю одно Крещение для прощения грехов)

Как одна Церковь, так и одно крещение. Потому что крещением мы входим в общество христиан. Крещение одно, так как не совершается дважды над одним и тем же. Оно единственное, поскольку через него подаётся очищение грехов, в том числе того греха, который есть в нас при зачатии и рождении. Это грех, переданный нам по наследству, как болезнь, ещё от Адама и Евы.

Чаю воскресения мертвых

(Ожидаю воскресения мёртвых)

Верю в то, что будем воскрешены Христом и телом, и душой. И ожидаю этого.

и жизни будущаго века. Аминь.

(и жизни будущего века. Аминь)

Ожидаю и жизни достойной с Богом после всеобщего воскрешения людей.

Вывод «злого» попа

Символу веры 1631 год. Как и тогда, его произносят всем миром за литургией, как и тогда, его читают и малыши, и старики в общей домашней молитве. И это радует. Радует, что у нас, христиан, есть возможность прикоснуться к столь богатой истории. Истории полной перипетий. Истории откровения Бога человеку.
Произнося слова Символа веры, пропуская их через своё сознание, мы становимся реальными соучастниками событий того далёкого времени, когда быть православным означало: быть готовым пострадать даже телесно за Христа.
Сама мысль о том, что текст с его неискажённым смыслом дошёл до нас – поколения-техногенов – порождает ощущение причастности к чему-то важному. И поэтому нам надо знать Символ веры.

Кто-то скажет: «Вы, батюшка, злой и бессострадательный, мучаете нас зубрёжкой. Ну, разве мы станем после этого верить лучше, чем до того? Разве мы сможем познать Христа, зная наизусть слова Символа веры?»

Нет, конечно. Не всякий крёстный после крещения начнёт жить по-другому. Более того, через месяц после крещения многие, к сожалению, перестанут даже вспоминать о том, в чём поклялись Богу. Это произойдёт у каждого по разным причинам. Кого-то жизнь затянет, как колесо сансары, а кто-то просто станет лениться. Часто бывает, что став крёстными, мы временно притворяемся, впадаем, как в замедленном кадре боевика, в сладкое чувство самообмана: будто мы и впрямь так и поступим, как поклялись. Так может, не стоит себя обманывать? Может до того, как принять приглашение быть крёстным, стоит заглянуть к себе в душу? Задать себе прямые вопросы, не ждущие самооправдывающих ответов типа «Да нет, я ведь не виноват, это всё мои предки, это они меня так воспитали», «Разве мог я знать», «Да что там сложного, я справлюсь», «Ну, подумаешь, кто там потом узнает». Может, стоит увидеть себя, какой ты есть без маски и прикрас? Может, стоит на чистоту?

Вообще честность никто не отменял. Если не с другим, то с самим собой не уж-то сложно остаться искренним? Или всё-таки мной кто-то завладел и теперь не даёт мне признаться, кто я?

И вот в таком контексте, когда мы-то и самих себя не знаем, призыв «злого» батюшки зазубрить важнейший текст Веры, чтобы хоть как-то напрячь «внутреннего меня», очень часто воспринимается в штыки. И тут уж даже у Господа нет никаких шансов стать лучше в глазах разъярённого крёстного. Потому «злым» в глазах будущих крёстных становиться батюшка. Но, дорогие мои, я «злой» не потому, что зло во мне, а потому, что хочу научить верить не вслепую, хочу открыть глаза тем, кто привык жить в густом тумане сладкого самообмана.

ЕЛЕНА БАБИЧ

«ЗАКОЛДОВАННЫЕ ЛЕСА»

или христиане по-нигерийски

что «христианского» в язычестве?

Секрет благоразумия, вероятно, в том, чтобы, имея прочный стержень внутри себя, смотреть на то, что снаружи, как можно с большего количества сторон. Вот, я — христианин, знаю о том и на том стою, и нет для меня ничего осудительного, если мне вдруг вздумается выучить, скажем, язык африканского языческого племени. Если же я полагаю, что это осудительно, может быть, тот самый стержень внутри меня не так уж прочен?

Может быть, и скорее всего. Проблема части православных в том и состоит, что они не хотят взглянуть ни на кого больше. А точнее, никого не хотят понять. И это не какая-то там «горсточка» отверженных закопанцев. Заметьте, всякий, кому «посчастливилось», ну, или посчастливилось, быть неофитом, явно или неявно искал любую ложь всюду, где нет Церкви. Даже там, где Она не подразумевается – не важно! Всё равно ложь или полуправда, а полуправда, как известно, ничего не стоит. Во всяком случае, так хочется думать «обладателю» абсолютной Истины.

Затем, свет в конце тоннеля начинает помаленьку угасать: мир под куполом не так уж идеален, я в этом мире совсем не ангел, да и не я один. Что-то чинит преграды лучу моей абсолютной Истины. Но если я верен Ей, то продолжаю идти туда, где был показан мне когда-то этот свет. Здесь-то мы и начинаем цепляться за ту самую отвергнутую прежде полуправду: науки, профессии, искусства, традиции.... Цепляемся, соединяем с духовной жизнью, нащупываем в полумраке кончиком носка потерянную дорогу и идём более или менее правильно. «Полуправды» вдруг оказываются вариациями нитей Ариадны для желающего спастись. И чем больше у нас этих нитей, тем полнее мы ощущаем всё окружаю-

щее, тем твёрже наша уверенность во взятом направлении.

Собственно, весь разговор к тому, что у меня к Вам предложение: не хотите ли схватиться ещё за одну нить? Сегодня это религия группы родственных африканских народов Йоруба. Не сама по себе, конечно, иначе Вы мне не поверите, и не сама для себя, иначе это скучно и бесполезно. Просто для того, чтобы нам самим лучше понять себя и других, чтобы наш мир стал шире. А первейший представитель, вот он – Амос Тутуола – нигерийский сказочник со своей странноватой книгой «Заколдованные леса». Странноватой, нужно сказать, иногда до безумия, но буквально вытерпев самую первую сказку, понимаешь, что же можно, наконец, отсюда взять: отнюдь не высокую литературу и не гениальность выдвигаемых идей. Здесь этого просто нет. Думаю, даже если бы Вы спросили его самого, он бы тоже сказал, что нет. Другое: традицию, религию, взгляд на жизнь конкретного народа. Человек просто «списал» мир, который видел и чувствовал, списал, можно сказать, дословно. И правильно сделал, ибо мы сейчас имеем шанс увидеть и почувствовать точно так же, а главное, соединить это дело с миром нашим и сделать выводы. Ну что ж, попробуем в набросках. Дальше, Вы сами.

Итак, религия Ифа-Ориша. Сплошное язычество, куча духов – тёмный лес. Предположим. Но взгляните на понимание:

«Но поскольку эти Речные духи люто ненавидели Небесного Бога и очень любили Земных Богов, то, когда замышлялось важное дело, Старейшина сразу же обращался ко мне,[…]»

(из сказки «Моя жизнь в лесу духов»)

Контекст в данном случае нас особенно не интересует, смотрим на смысл написанного и отражённого в нём взгляда на духовный мир. Во-первых, присутствие «Небесного Бога», который, в отличие от «Земных Богов» существует в единственном экземпляре. Уже одно это должно быть удивительно, учитывая всеобщие представления о многобожии: значит, всё-таки этот самый Единственный Бог есть. Впрочем, такой Бог есть во всех религиях, кроме буддизма. Однако посмотрим, как йоруба с Ним обращаются: и «Небесного» Бога, и «Земных» сказочник пишет с большой буквы. Вероятно, они для него равны. В отличие от духов, которые всё же с малой (Речные, как и Небесный, для писателя просто имена собственные). А между равными нет разницы – никто не лучше, никто не хуже: можно бороться, выяснять, кто сильнее. Ни добра, ни зла – с любой стороны «хорошо». Сегодня это называется сатанизм. Контекст в подтверждение: «Речные духи люто ненавидели Небесного Бога». Ну да, как и всякая демоническая сущность. Кстати говоря, обращались «ко мне» здесь означает к некоему подобию жертвенника-оракула, в которого превратился главный герой. Дело в том, что у Речных духов тоже оказались свои ненасытные боги, но уже отчего-то с маленькой буквы. Словом, «в обширном царстве безумия хватает всевозможных монстров». *

Но кое-какое представление о добре и зле всё же есть. Хорошо есть нечто или не очень, определяется только применительно к себе: я порезал руку – плохо, враг порезал руку – хорошо, друг порезал руку – никак.

[…]я ему объяснил, что по молодости лет не ведал разницы между «худом» и «добром», а поэтому ошибочно вступил в Лес Духов […]

(из сказки «Моя жизнь в лесу духов»)

Контекст таков, что в Лесу Духов просто очень опасно, и герой не знал, что там можно запросто распрощаться с жизнью – не знал, что это для него плохо, вот и вся разница. Для меня плохо, значит плохо, хорошо, значит хорошо. Впрочем, почти христианское понимание, разница только в том, что язычество смотрит на эту ситуацию с точки зрения жизненного комфорта, а христианство — с точки зрения комфорта души.

И вот в этом языческом мире всеобщего равенства, где все имеют возможность состязаться друг с другом, и прав тот, у кого больше разного рода сил и способностей, оказывается, что мораль сформировалась тоже оригинальная. Она не зависит от любви или сострадания, скорее от обещания или клятвы, какого-нибудь мистического долга. К этому долгу приравнивается и радение о процветании родины. Хорошо бы, но, похоже, патриоты несколько переусердствуют. Стандартный сюжет: нужно идти сражаться, жена против. Кодекс нормального поведения героя нигерийской сказки гласит: в ответ на слова, которые вы прочитаете ниже, разрубить жену мечом пополам. Что, собственно, и сделал сказочный охотник Кэко.

Так вот, значит, чем отплачиваешь ты мне за доверчивость? Когда тебя охватила страсть, а меня даже не интересовало, есть ты на свете или нет, и я равнодушно отвергала тебя, ты улещивал меня медоточивыми речами, пока не поверила, что нет мужчины лучше тебя. Я столь безоглядно доверилась тебе, что любовь моя, подобно хмелю, вскружила мне голову и завладела мною, словно неизлечимая болезнь. Меня тошнило от еды, когда ты был далеко, и мутило от воды, если я не видела тебя вблизи; мне бывало мучительно трудно расстаться с тобой, а расставшись и услышав потом твой голос, я бежала туда, откуда он доносился, и бродила рядом, покорно дожидаясь твоего внимания. Мои родители умерли, у меня нет ни сестер, ни братьев, а ты, зная, что заменил в сердце моём всех родичей, зная, что я не могу и шагу ступить без тебя, собираешься уйти, бросив меня на посмешище всем тварям лесным, которые будут с издевкою говорить мне: "Твоя уверенность была воистину непомерна. А что ты скажешь теперь?"

(из сказки «Лес тысячи духов» (Охотничья сага)

Таких не вполне приятных примеров пруд пруди, но есть вещи и более интересные. Известно, что язычество всё объединяет со всем и всех со всеми: небо с землёй, наш мир с миром духовным. Синкретизм здесь происходит внутри всего, почему же тогда не объединить новоявленное Христианство с традиционными верованиями? Объединили, и в добром хозяйстве всё приспособили. В результате читаем в произведениях небывалые высказывания:

Я должен сразу же сказать вам, о храбрые охотники, выносливые путешественники и радетели родины, что, если человек произносит мудрые речи или совершает великие поступки без мыслей о Господе, он обкрадывает свою жизнь и обманывает самого себя, как покупатель, решивший купить бобов и обратившийся к продавцу маиса. Бог всемогущ. Он Творец предвечного слова, Владыка Небес и Хозяин всякого дня; Высший дух, Чудотворец и Хранитель жизни; Царь Славы, Целитель и Благодетель; Судья, Защитник и Заступник, который был, есть и пребудет во веки веков.

(из сказки «Лес тысячи духов» (Охотничья сага)

Мой друг отыскал мне к свадьбе шафера, и это был особенный шафер — он пользовался только дурными словами и даже горел пятьдесят лет в аду за свои дурные слова и злодейства; а когда его не исправил и ад, он был послан до Судного дня в Лес Духов.

(из сказки «Моя жизнь в лесу духов»)

Действительно, Господь Бог, рай и ад в сознании йоруба неким образом соединяются со всем остальным миром духов и людей вне мест и времён, но мне видится, что это несколько «продвинутый» синкретизм: главенство Небесного Бога всё-таки для них очевидно. Есть страх Божий и понимание того, что в духовном мире важно, а что второстепенно. Все иные духовные сущности здесь живут немного отдельно от людей, в неком другом слое бытия, но, также как и люди, ходят под Богом. Зависят от Него, но, внимание, на Него не уповают: ни в одной сказке никакой дух ни разу не упомянул Небесного Бога ни словом, ни делом, зато все эти сущности многократно обращались к своим мелким богам, а те – к своим, и так почти бесконечно.

Создаётся впечатление, что существование духов и богов даже просто «приятно» йоруба: это интересно, загадочно, работает, когда есть проблемы с урожаем.... Но Вы только оцените искренность! Всё понимаем, но не хотим ничего менять – это удобно.

Не то же самое ли делаем мы каждый день нашей жизни? Ну да, мы понимаем, и, может, даже хотим что-то менять, но не меняем свою жизнь, потому что нам так удобно. Удобно ругаться с ближним вместо того, чтобы попытаться ему что-то объяснить, удобно осуждать, находя множество аргументов, вместо того, чтобы попробовать понять. Ну а то, что Бог есть, это мы знаем... Да, но чем тогда мы лучше язычников? Как бы ни оказаться хуже. Неплохо бы нам всем взяться за эту ещё одну Ариаднину ниточку осознания своего недостоинства и продолжать смиренно идти туда, где есть надежда на свет.

*Бальтасар Грасиан. "Карманный Оракул или Наука Благоразумия" (221)

Иллюстрации Ирины Гуровой

НАШИ ПРИХОДЫ

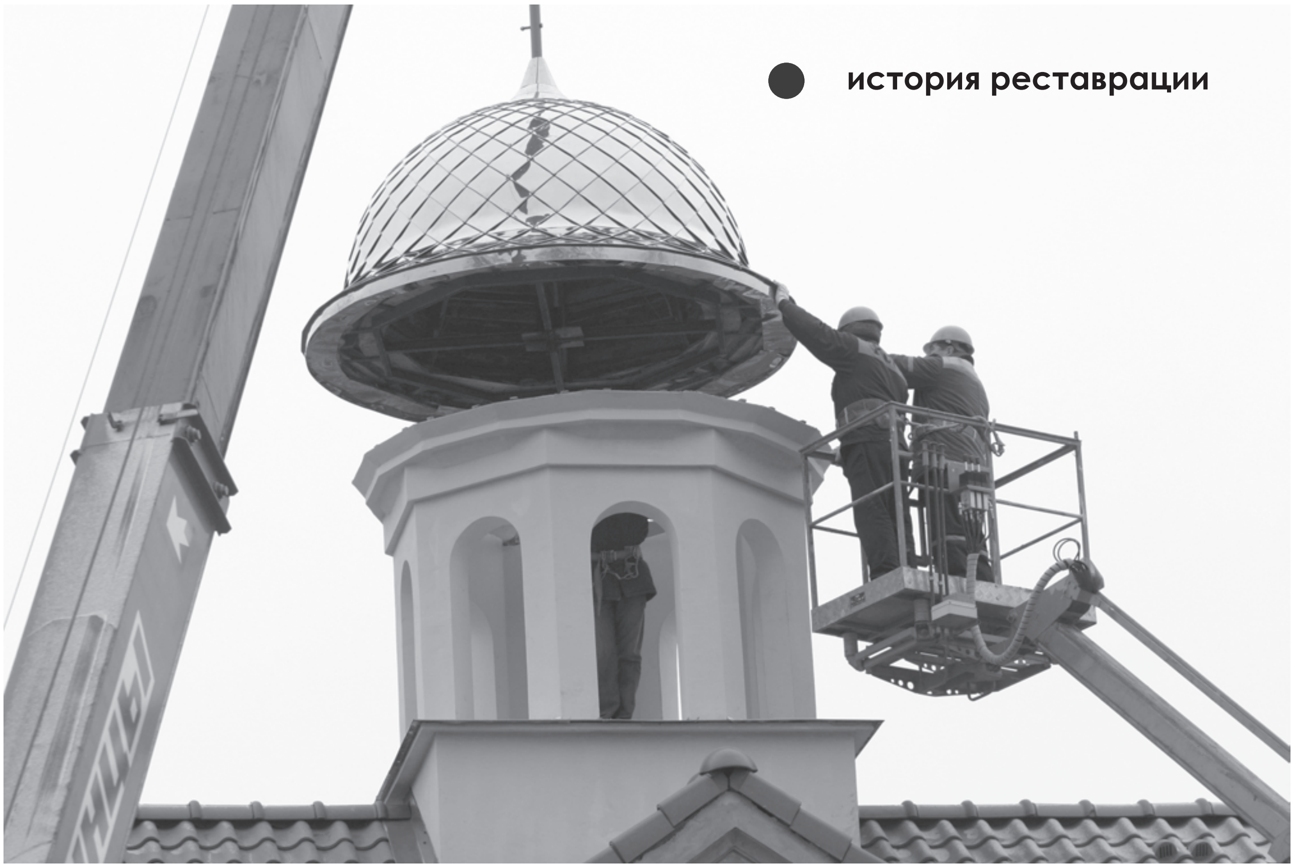
«Готовы ли мы взять с собой на Страшный суд то, что мы выдаём во вне? ».

епископ Обуховский Иона (Черепанов)
на фестивале «Вера и слово»

СВЕТЛАНА ПАВЛЮКЕВИЧ

ПЕРВЫЙ НИКОЛЬСКИЙ

новая жизнь храма на Архиерейском подворье

история реставрации

Поздней осенью город всегда выглядит необычно. Улицы кажутся непривычно широкими, светлыми и пустыми, а сквозь тонкие голые ветви деревьев совсем по-другому «просвечивают» знакомые здания. И узнаешь свой город, и не узнаешь.

Так, на днях, ещё не дойдя до моста над Городничанкой, в районе улицы Ожешко, я мельком взглянула на Архиерейское подворье — и замерла. Все листья уже успели опасть, и впервые все три здания, входящие в комплекс подворья, предстали одновременно перед глазами одним стройным и удивительным ансамблем. Мне даже на секунду показалось, что время повернулось вспять и передо мной тот самый «архиерейский дом», с конюшней и подсобными помещениями, не изведавший ещё перестроек и реконструкций. Такой, каким его увидел и запечатлел на своем полотне художник Наполеон Орда в середине XIX века. Та же речка вьется внизу, за ней – высокий овраг, на котором расположились приветливые светлые здания, крытые красной черепицей. Да, да, те же цвета, формы и, кажется, дух. Только домовая церковь располагалась в то время не в северном здании, как сейчас, а в главном корпусе резиденции архиерея и была освящена в честь святого Иоанна Предтечи, а в 1874 г. была переведена в южный флигель и была посвящена памяти Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия.

Архиерейское подворье

Сегодня может показаться, что всё это время на подворье ничего не менялось. Однако это далеко не так. Только в начале прошлого десятилетия XXI века епархия смогла получить назад свои здания, которые были отобраны ещё в начале века ушедшего. Не так давно в этих стенах располагалась и военная комендатура, и опорный пункт милиции, и медуниверситет.

Елена Счасная, научный руководитель проекта по восстановлению Архиерейского подворья, вспоминает, что когда в начале 2000-х епархии стали возвращать здания подворья, вид они имели крайне убогий и удручающий. От былой красоты не осталось и следа. Возвращали не всё сразу: сначала южный, затем северный флигель, а после этого и трёхэтажное здание в центре комплекса возвращали по частям.

Все окна упомянутого здания (бывший дворец вице-администратора, затем архиерейский дом) оказались в решётках. Внутри куча ненужных вытяжек, вырванные «с мясом» розетки. Снаружи – убогая, ненужная, кирпичная колонна, а в подвале – следы бывшего там викария, и ну очень специфический запах. В 2004 году в подвале ещё были найдены кролики! А на третьем этаже, где с послевоенного времени стоял рентгеновский аппарат, даже зафиксировали повышенный радиационный фон.

В северном флигеле, где раньше была конюшня и каретный сарай, часть окон и дверных проёмов была заложена газосиликатными блоками. Не особо заботясь об исторической ценности здания, предыдущие владельцы делали новые

храм в честь святого Николая в период реконструкции

окна и двери, где им угодно было. Поэтому, когда реставраторы отбили штукатурку, оказалось, что старого кирпича – желтоватого, добротного, ручной работы – осталось очень мало…

Несмотря на то, что изначально домовая церковь располагалась в южном флигеле, при реконструкции в 2006 решили перенести её в северный, потому что южный был уже частично заселён. В северном здании сохранились только две стены. В 2006 г. реставрационной комиссией было решено и эти стены разобрать, построив здание заново, потому что реконструировать флигель, не нарушая старых стен, было бы дорого и проблематично. Флигель изначально строился для хозяйственных нужд, поэтому не имел прочного фундамента и системы водоотвода. Когда подняли дорогу рядом, здание оказалось в яме, его постоянно заливало. Переделать его под домовую церковь, ничего не нарушая, было практически невозможно.

Котлован, подъемные краны, грязь, горы кирпича, и на фоне этого «великолепия» Владыка Артемий с группой верующих, пришедших на освящение территории подворья, – вот с чего начиналось строительство Никольского храма. А затем, по словам инженера Гродненской епархии Валентины Ивановны Сачко, здание церкви начали воссоздавать по эскизам XVIII века и стилизовали его под конюшню. Реставраторы даже попытались повторить на дверях рисунки, которые могли присутствовать на входе в конюшню в XVIII веке. Для этого они воспользовались исследованиями одного из лучших гродненских реставраторов Святослава Шейко, который изучал здания того времени по фотографиям и чертежам.

В декабре 2009 на церкви были установлены купол и крест, приобретенные на пожертвования православных христиан. К восстанавливаемому епархиальному корпусу верующие совершили крестный ход с чудотворной иконой Божьей Матери «Песчанская». Несмотря на ещё очевидные недоделки, золочёный купол вверху уже свидетельствовал о возрождении подворья…

Сейчас все внутренние работы в домовой церкви в честь святого Николая Чудотворца подходят к концу. Просторное помещение сможет вместить до трёхсот человек. Уже написан и установлен иконостас, справа от него находится большая икона святого Николая Чудотворца с элементами-вставками из его жития. На полу лежит плитка, приятно блестит мрамор на амвоне. Все дышит простой, уютом и… прошлым. Отдельного внимания заслуживают тяжелые большие деревянные двери – и, правда, точь-в-точь как из XVIII века. Для будущего хора готова просторная галерея вверху здания.

Освящение Никольского храма планируется 16 декабря и приурочено к 20-летию возрождения Гродненской епархии. После освящения храм будет открыт каждый день, а службы будут проводиться в нём по субботам, воскресеньям и праздничным дням.

Первоначально Владыка Артемий хотел, чтобы домовая церковь была освящена в честь святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия – как это было в XIX веке. Однако готовивший к изданию свою книгу «Православные храмы Гродно» историк Игорь Трусов предоставил на согласование любопытный материал, в котором говорилось, что на территории комплекса уже в XII веке могла находиться православная церковь «Николая Мокрого». Церкви, посвященные Николаю, строились на родниках, а рядом как раз протекает Городничанка. Историк убедил Владыку, и благодаря этому в Гродно появится первый храм в честь одного из самых почитаемых православных святых – Николая Чудотворца.

В Никольском храме, разумеется, готово далеко не всё, ведь жизнь храма – это жизнь его общины, поэтому необходимо организовать катехизические классы, воскресную школу, внебогослужебные встречи прихожан. Доработки требуются и на подворье – центральное здание отреставрировано только снаружи. Вскоре планируется перенос сюда редакции «Гродненских епархиальных ведомостей», центра социальной помощи, миссионерского отдела и отдела по делам молодежи епархии. После завершения работ подворье станет православным духовно-просветительским центром, которым оно и было сто с лишним лет назад.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«Началось выметание сора из избы. И Слава Богу».

Дмитрий Сладков
о новом этапе существования
православной журналистики
на фестивале «Вера и слово»

ТАТЬЯНА ЛАШУК

ПРАВОСЛАВНОЕ ОПЕРЕНИЕ

ещё раз о белой вороне

А по-моему, впервые христианство появилось в СМИ ещё в формате граффити на стенах древнеримских домов: рядом с политическими новостями, стихами и заметками непристойного содержания соседствовала надпись «Марк-христианин» и далее иллюстрация – человек с ослиной головой, распятый на кресте.

Забавно, что за две тысячи лет взгляд светского общества на христиан не слишком-то изменился: христианин не то чтобы совсем асоциальный тип, ненормальный, но какие-то тараканы в его голове точно есть. Он другой: поститься четыре раза в год, смотрит только душеспасительные передачи, не осуждает и не понимает свободу самовыражения творческой личности… А ещё у них много детей и, как правило, мало денег. Да и плотская любовь – только в браке и строго по религиозному расписанию.

Помнится, когда я ещё пользовалась своей девичьей фамилией, все знакомые молодые люди, когда узнавали, что я член молодёжного православного братства, да ещё и преподаю в воскресной школе, все как один со странной интонаций говорили: «Да ну?!» И только мой будущий муж не испугался этого контрольного выстрела в голову и простил мне эту лёгкую сумасшедшинку…

Но вообще очень трудно в глубине души чувствовать себя белой вороной и периодически доказывать остальным птицам, что ты всё-таки

права. Иначе заключают за милую душу. Трудно объяснить симпатичному молодому человеку, что третье свидание – это ещё не повод познакомиться телами. Объяснить подруге, что в субботу вечером не пойдёшь на дискотеку, потому что в завтра идёшь к исповеди и готовишься ко Святому Причастию. Объяснить удивлённому гинекологу, что в двадцать лет ты ещё девственница… И вообще, почему ты должна кому-то что-то постоянно объяснять?..

А ещё ты постоянно должна быть в ответе перед каждым трезвомыслящим атеистом: почему попы ездят на иномарках, почему свечки в церкви дорогие, почему младенцев крестят, не спрашивая их мнения, почему…, почему…, почему… Ты в ответе за каждого волка в овечьей шкуре, ты «почто боярыню» Морозову и Льва Толстого обидел?.. СМИ старательно из каждого оступившегося церковного грешника сделают сенсацию и ещё растиражируют в бесконечном пространстве интернета. К православному сообществу приплюсуют какую-нибудь очередную секту антихристофобов. Выходит как аксиома: православные шизофреники. И наш трезвомыслящий атеист с удовлетворением прочтёт и поставит себе галочку: «А я что говорил, ненормальные все там и лицемеры». Трудно тут удержаться и не привести в пример притчу о том, что на поляну пчёлы прилетают и ищут цветы, чтобы собрать нектар и сделать мёд. А вот мухи на ту же поляну прилетают в поисках годящегося для воспроизводства их потомства продукта дефекации. Что нам ответить? Апостол Пётр в послании христианам, мучавшимся в мире язычников, писал «…ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей…» (1 Пет.1:15). В XXI веке я бы дополнила эти добрые дела мощным пиаром и всеуслышанием, чтобы в противоположном лагере скрежетали зубами.

Есть у меня свой, опытным путём выверенный метод обитания в мирской среде. Называется он «Кольчужка для души». Он появился сам по себе, когда я испытала одно душевное потрясение. По образованию я педагог, а значит я в буквальном смысле слова – «детоводитель». И вот я, молодой педагог, вела моих учеников-подростков в мир искусства на уроке мировой художественной культуры. Итак, показываю картину **Джотто ди Бондоне** «Поцелуй Иуды» и рассказываю евангельскую историю про то, как Иуда «целованием предаёт Сына Человеческого». Раздался дружный гогот, и Христа тут же обвинили в нетрадиционной ориентации, назвав очень известным обыденным словом. И с тех пор я избегаю дискуссий и вообще любой формы «проповеди» в незнакомой аудитории: неприятно слышать, как хрустит жемчуг под копытами.

Должны ли православные проповедовать (читай - пропагандировать) свои убеждения? Безусловно! Но, на мой взгляд, лучше не поодиночке, так как всё равно как занозу исторгнут (а может, и сломают). Помнится, как здорово однажды получилось: гродненское Свято-софийское братство принимало братчиков из Минска, и для дружеской встречи накрыли столики в кафе. Перед едой десятка полтора молодых людей дружно встали и хором грянули «Отче наш…»: остальные посетители перестали пережёвывать пищу и застыли в изумлении. Зато после было забавно слышать от них такие философские рассуждения: «Ну, кто его знает, может и правда, человек не от обезьяны произошёл…»

Есть существенные причины, по которым быть иным в однородно греховном обществе не так уж и болезненно. Христианин в идеале здоров душой и духовно свободен, ведь грех в любом случае деструктивен и рано или поздно порождает неврозы, навязчивые состояния и разного рода зависимости. Остальные люди по слову апостола Петра «...они, как бессловесные животные, водимые природою, рождённые на уловление и истребление, злословя то, чего не понимают, в растлении своём истребятся» (2 Пет.2:12). Христианин знает глубокую радость целомудренных, полноценных отношений между мужчиной и женщиной, христианин может на практике воспроизвести известную пословицу «Мой дом – моя крепость», выстроив собственный святой мир семьи. Христианин даже в самой маленькой доле знает радость личного молитвенного Богообщения, христианин воспринимает себя как личность и к собственному телу относится как к храму «живущего в нем Святого Духа».

И есть ещё одна важная причина быть белой вороной в стае тёмных птиц. Когда Господь преобразился на Елеонской горе, «одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мк. 17,2). Так что, если вы белого цвета, то вы уже где-то делаете шажки на истинном пути. Братья и сёстры, нас много, и мы рождены, чтобы летать!

СТАЛЬ

письмо в редакцию

Меня зовут… хотя не так уж и важно, как меня зовут. Мне 25 лет. Цель моей истории – предостеречь будущих и настоящих мам, пап, да и просто всех людей, от тех проблем, через которые пришлось пройти мне, а именно, от послеродовых депрессий и психозов.

Начну, пожалуй, с самого начала. Я, как и все нормальные дети, сначала пошла в детский сад, затем была средняя школа, потом поступила в педагогический колледж. Будучи на втором курсе колледжа поехала отдыхать в Крым и там познакомилась с парнем. Встречалась с ним три года, но рассталась, поскольку поняла, что «не мое». В 2007 году поехала отдыхать опять в Крым, там и встретила своего будущего мужа – А. Мы понравились друг другу, завязались отношения, я стала жить на два города: Москва — Киев. После колледжа поступила одновременно в два университета и продолжала учиться. Встречались мы с А. три года, а 5 июля 2009 года моя любимая доченька решила поселиться во мне и сделать меня молодой мамочкой.

Вдвоем с моим молодым человеком мы стояли над тестером и всматривались в его контрольное окно... Когда две линии слились в крестик, мы поняли, что стали родителями. С тех пор в моей жизни появился человек, которого я люблю больше всего на свете – моя дочь! Я категорически против абортов, сама никогда не делала и другим не советовала, поэтому решили сразу: буду рожать! Так начался самый радостный период в моей жизни и самый нелегкий, как впоследствии выяснилось.

С моим молодым человеком, мы сразу решили пожениться, но никак не могли определиться и согласовать время: у меня — постоянная учёба, у А. — постоянная работа. Одним словом,

затянули всё так, что свадьба состоялась 23 января 2010 года, когда моему пузожителю уже было 7 месяцев! Мы расписались в ЗАГсе, а на следующий день повенчались в церкви. На свадьбе были только самые близкие родственники с обеих сторон. После свадьбы его родня настроилась против меня, поскольку они поняли, что теряют сына, племянника и, в конце концов, спонсора, который снабжаел их деньгами (он работает программистом в Москве, зарабатывает хорошие деньги). Как только закончились торжества и А. уехал в Москву, родные стали его настраивать против меня. Я, конечно, этого ничего не знала, спокойно жила в Киеве, защищала дипломы и готовилась к родам. Мы с мужем договорились, что я рожаю в этом городе и через 3-5 месяцев переезжаю в Москву, поскольку тут у меня мама, поддержка, а там – никого, кто бы помог на первых порах. Но это были лишь планы, жизнь же распорядилась немного иначе.

Через неделю, после того как А. уехал в Москву, он начал писать мне странные письма. В них он просил вернуть подаренные на свадьбу деньги, хотя мы договорились, что эти деньги пойдут на роды и на ремонт в комнате, где М. должна была пожить первые несколько месяцев после рождения. Просьба вернуть деньги, на самом деле, была очень подозрительной, поскольку он никогда не жалел их для меня. Дальше – хуже: он стал обвинять меня в том, что я его приворожила (?), что ребёнок не его (?), что я ему изменяю (на седьмом месяце беременности!); писал, чтобы у моего (не нашего ребёнка!) ручки-ножки отсохли, говорил, что ездил к священнику, который нас венчал, и тот ему рассказал, что на исповеди я рассказывала о постоянных изменах мужу. Даже прислал мне билет, по которому он приезжал сюда (потом сам признался, что подделал его!). Конечно, я понимала, что священник никогда не расскажет о таком, поскольку это тайна исповеди, и знала о том, что никогда ему не изменяла, однако было очень обидно и тяжело это переживать.

То, что я пережила в последние два месяца беременности, не передать словами. Это было настолько ужасно, я не знала, что делать: ехать к нему – опасно с таким животом, в Skype он не выходил, приехать отказывался. Оставалась только электронная почта. В свой почтовый ящик я получала кучу жутких писем. Обратно отсылала просьбы о благоразумии. Всю эту переписку я потом распечатала, и у меня получилась толстенная папка (по ней можно писать роман!). Я дала ей название: «Как закалялась сталь». Но создала я эту папку лишь с той целью, что бы моя подросшая дочь смогла прочитать её и понять, что со своей стороны я делала всё, ради спасения нашей семьи. Словом, я провела последние два месяца своей беременности в слезах и истерике. Не зная, где искать спасения, я пошла по церквям, подавала записки в монастырях, постоянно молилась, ездила в Лавру к мощам святых и надеялась только на Бога!

Когда я была на восьмом месяце беременности, он приехал (один раз за всё время!). Приехал только для того, чтобы подать на развод. Со стеклянными глазами, с синяками под ними, весь осунувшийся, мрачный. Я не узнала в нём своего подтянутого и всегда улыбчивого А. Никаких ответов на свои вопросы я от него не получила. Когда ехала в метро, в голове блуждала только одна мысль: «А может кинуться под поезд и забыть всё!?» Слава Богу, со мной была моя М. и ответственность за это маленькое, ещё не родившееся, живое существо... Так и прошли девять месяцев: с одной стороны самой счастливой, а с другой — самой мятежной беременности.

И вот 2 апреля 2010 моя крошка попросилась наружу, я родила её легко и быстро. Когда её положили мне на грудь, я поняла, что я самая счастливая на свете, несмотря на все невзгоды! Суд о разводе был назначен на 8 апреля, он приехал, стал мне звонить, говорил: «Приезжай, и скажи, что ребёнка у нас нет, чтобы развели быстро через ЗАГС, а не через суд». Я ему, естественно, сказала, что никуда не поеду, что ребёнок есть и что если он чего-то хочет, то пусть сам приезжает к нам, и мы поговорим...

Да, он приехал. Приехал с намерением забрать свои вещи и попрощаться. Но когда он зашел в комнату, и увидел маленькую М., лежащую в кроватке, он рухнул на колени и стал молить о прощении, а всё потому, что М. как две капли воды похожа на него. А. умолял простить его, говорил, что это он не виноват. Он рассказал, что его тётя в Москве повела его по бабкам-ведуньям и дедушкам-ведунам, которые и говорили, что ребёнок не его, что я ему изменяю, что я его приворожила и ещё много других глупостей и разных гадостей обо мне! Его в Москве даже снабдили палочкой с ваткой на обеих концах для того, чтобы он взял образец

слюны М. и провел анализ ДНК. Но эта «ДНК» лежала в кроватке и, вы не поверите, первый раз улыбнулась именно ему, а затем начала весело, заливисто смеяться (и это всего на седьмой день от рождения!). Да, А. умолял простить его, и я поддалась, поверила, что всё будет хорошо.

Когда он уезжал в Москву, то говорил, что ровно через неделю вернётся и будет с нами навсегда. А я по-женски радовалась: радовалась, что стала мамой, что могу спокойно кормить свою М. грудью, что всё в жизни складывается хорошо. Однако, всё это продолжилось недолго: на четырнадцатый день после родов у меня произошёл нервный срыв. Дело в том, что всё это время я не могла уснуть, мне казалось, что засыпаю, а на самом деле не спала. На фоне всего пережитого я была очень возбуждена, настроение было замечательное, приподнятое, всё успевала сделать, бралась за все дела подряд, хотела сделать всё и сразу, и мне это удавалось! Записывала в тетрадь, что я ем, когда я ем, когда кормлю грудью, записывала всё происходящее.

Но было и ещё одно: если я выходила на улицу, мне казалось, что все на меня смотрят, что у детей глаза светятся цветом индиго. Казалось, что я вижу в людях их суть: различаю добрых и злых; что есть люди-ангелы и люди-вампиры и что они на меня охотятся, что меня хотят убить. Я придавала слишком много значения всяким мелочам, воспринимая их как приметы, знаки свыше. Мне казалось, что я особенная и избранная. Сейчас мне трудно понять, как я, в общем-то, разумный, рассудительный человек, могла себе внушить весь этот бред и поверить в него.

И вот на четырнадцатый день крышу просто сорвало! Проснувшись днём, я почувствовала,

что нам с М. угрожает опасность. Я обложила себя и её иконами и стала очень горячо молиться. В голове что-то заклинило, я стала слышать голоса, которые говорили мне молиться, молиться, молиться… Когда ко мне в комнату зашла мама, я велела и ей стать на колени, мотивируя это тем, что она грешница и должна молиться. Моя мама пулей вылетела из комнаты, сообщила всем домашним, что со мной беда и вызвала скорую помощь. Затем мама зашла забрать М., и меня опять глюконуло: я сказала ей, что у неё на плече сидит два белых голубя и что она у меня очень хорошая. Словом, к слуховым галлюцинациям у меня добавились ещё и зрительные.

Меня отправили в психиатрическую больницу. Возможно, в тот момент это был единственно правильный выход, поскольку неизвестно, что я могла сделать с собой и со своим ребёнком. Так М. осталась без мамы, без грудного молока, на руках у бабушки, прабабушки и прадедушки. Моя мама от стресса очень сильно похудела (на 25!), начала искать помощи у врачей, чтобы вытащить меня из больницы. Даже подключила к этому моего папу, но, как оказалось, ни его «большие» связи, ни мамины попытки что-то предпринять, ничего не решили — меня оставили в психиатрической больнице на полтора месяца: на бесконечные полтора месяца мучений и издевательств.

Половину того, что было в больнице, я не помню, а вторую половину вспоминать не хочется – это был ад на земле! С человеком там делали, что хотели: не кормили (а если и кормили, то какой-то баландой); били; привязывали к кровати или к инвалидному креслу; не давали помыться; пичкали непонятными таблетками; делали разные уколы, от которых человек становился безвольным, превращался в растение; запирали за железной дверью; силой заводили в палату-изолятор, где находятся тяжело больные. В изоляторе стены облезлые, дверь всегда на замке, на окнах решётки, туалет там же — вонь стоит страшная! Тех, кто там находится, на улицу и в коридор не пускают. Людей заставляют одевать ободранную, старую, чужую (!) одежду, очень любят привязывать и насильно переодевать. Через пару дней пребывания в этом заведении я впала в бессознательное состояние: не помню, как я ходила в туалет, как мылась… В этой больнице делалось много того, что нормальному человеку даже в голову не придёт!

Не знаю, сколько бы я ещё выдержала, если бы не моя мама. Ей посоветовали одного очень хорошего психиатра, и она сразу же вырвала меня из лап этих извергов и повезла к нему. Вот он-то как раз и оказался тем врачом, который вытащил меня из этого ада.

Все это время А. был рядом. Приезжал в больницу, возил меня по врачам, но, тем не менее, не пытался меня оттуда вытащить. Ни он, ни папа ничего для этого не делали. Ситуация изменилась только благодаря стараниям мамы.

Когда меня привезли к моему лечащему врачу, я даже на ногах держаться не могла. Он сказал: «Пройдитесь!» Какое «пройдитесь», когда я встать не могла! Тогда он назначил мне лечение, чтобы вымыть всю ту гадость, которой меня накололи в больнице, и предупредил, что восстановление будет не быстрым.

Так оно и вышло... Только в сентябре 2011 года я почувствовала себя человеком, до этого просто робот: без эмоций, чувств и желаний. Хотя нет, желание одно было – покончить с собой, голоса в голове всё время твердили мне об этом. Сейчас очень страшно об этом вспоминать! Спасибо моим родным, что были рядом, что поддержали, что не бросили одну! Мой брат не отходил от меня ни на секунду и несколько раз останавливал меня у распахнутого окна.

А. всё это время был в Киеве и издалека работал на свою компанию. Но в декабре 2010 года его работодатели поставили ему условие: либо Москва и работа, либо Киев и семья. И он выбрал первое, мотивируя это тем, что если он не будет работать, то не сможет нас содержать. Как видите, выбор был сделан не в нашу сторону, и он уехал. Правда, приезжал к нам на Новый год и на 8 Марта в 2011 году. В Москве его опять как подменили: предложил разводиться. Я, если честно, была к этому готова. Я уже чувствовала себя лучше и дала согласие на развод. И вот 23 декабря 2011 нас развели, о чем я ни капли не жалею. Раз этот человек не смог отстоять себя и свою семью перед своими родными, значит: он не достоин меня и М. Теперь, насколько я знаю, у него другая женщина в Москве и есть ребёнок.

Ещё во время беременности я боялась только за свою М., чтобы она родилась здоровой! Ведь я так много плакала и волновалась в последние два месяца беременности, но, наверное, спасло то, что я в эти «злополучные» месяцы пришла к Богу. В тридцатиградусный мороз и непроходимые льды (кто помнит зиму 2010, тот поймет) я ходила в Лавру, прикладывалась к мощам всех святых, как раз перед Пасхой соборовалась, а М. родилась за 3 дня до Пасхи, в страстную пятницу. Теперь мы ходим с М. в церковь, молимся и ставим свечи за здоровье наших родных и близких, друзей и недругов. Ни на кого не держу зла, просто переросла это и поняла, что нет смысла злиться, ведь зло всегда возвращается обратно.

Я не знаю, на кого променял меня мой бывший муж, да и знать не хочу (мне это не интересно), знаю только одно: я не останавливаюсь, иду вперед! Знаю ещё и то, что я была хорошей женой, и хозяйкой, я любила и люблю готовить, баловать родных чем-то вкусненьким, люблю заботиться, делать сюрпризы, удивлять, слежу за собой, бегаю по утрам в парке, хожу на фитнес, плаваю с М. в бассейне, хожу на уроки английского. В этом году поступила в Киевский лингвистический университет, хочу стать переводчиком, надеюсь, что у меня всё получится! На обучение, безусловно, нужны были деньги (и немалые деньги!), поэтому на первый семестр оплаты пришлось взять деньги в долг. На данный момент долг я почти вернула, а дальше буду стараться оплачивать сама. С сентября следующего года планирую отдать М. в садик, а затем и сама пойду на работу. Сейчас подрабатываю на дому: обучаю детей английскому языку. Хоть это и мелкий заработок, но, с другой стороны, это самореализация: я вижу счастливые лица детей, когда они приносят 10, 11, 12 баллов по языку, а также счастливые лица их родителей, которые не верят, что их дети, наконец, заговорили на английском. Для меня это самая большая отдача, я работаю на результат и надеюсь на лучшее!

Сейчас, я, Слава Богу, полностью здорова, и чувствую себя даже лучше, чем прежде: стала намного увереннней и самостоятельней, хотя, как шутит мой врач, нет здоровых людей, есть люди недообследованные. Есть некоторые проблемы по части женских заболеваний, но это, как утверждают врачи и из-за отсутствия партнера, и из-за перенесённого стресса, и из-за того, что я не кормила грудью.

Хотя после моего мужа у меня и не было мужчин, я всё-таки надеюсь на то, что когда-нибудь я встречу человека, который полюбит не только меня, но и мою доченьку. Я уверенна, что смогу

ему родить и выкормить не одного ребёнка. Надеюсь, что будем воспитывать наших детей в любви и согласии. Однако понимаю, что сейчас очень сложно встретить действительно хорошего, достойного, надежного мужчину, но всё же рассчитываю на то, что такие ещё не перевелись. Думаю, что то испытание, которое мне пришлось пережить, было дано мне не просто так, оно сделало меня сильнее, закалило, дало мне уверенность в своих силах.

Мне очень приятно, что я могу поделиться своей историей, возможно в ней кто-то узнает себя, возможно, кому-то она поможет распознать такие опасные симптомы приближающейся болезни, просто надеюсь, что кому-то мой опыт пригодится.

Поэтому, дорогие женщины и их родные, не оставляйте болезнь на самотек, сами по себе такие заболевания НЕ ПРОХОДЯТ. И как бы вам не было стыдно или неловко, я призываю Вас обратиться к профессиональному психиатру. Заметьте, не психологу, не психотерапевту, а именно психиатру, к тому специалисту, который поможет Вам.

Приезжая к своему доктору на очередной приём, я вижу у его дверей очередь из девушек и парней, из молодых и старых людей, из обеспеченных и простых. Этот человек, как говориться, на своём месте, ни к одному другому врачу в этой больнице нет такой очереди. Я благодарна Богу за то, что есть такие доктора!

Очень надеюсь, что Вам не придется столкнуться с такого вида проблемами, но я уверена, что есть много женщин и их родных, которым нужна помощь, а они не знают, куда обратиться. Не стесняйтесь и не молчите о своей проблеме, это может стоить Вам или Вашему близкому человеку жизни, такой драгоценной и единственно ЖИЗНИ.

Врачи затрудняются выделить однуединственную причину, по которой происходит такое с людьми. Некоторые эксперты связывают начало послеродовой депрессии и психоза с изменением гормональных уровней в организме женщины. Другие связывают это с алкоголем или наркоманией (хотя я никогда не курила, пила только по праздникам, при этом никогда не бывала пьяной и никогда не употребляла наркотических средств). Ещё одним фактором, способствующим развитию такого состояния, врачи считают стресс, связанный с рождением ребёнка. Могу сказать о себе: я так и не нашла причину того, что со мной произошло, да и бросила это дело, поскольку поняла, что ответа мне всё равно никогда не найти.

Хочу только напомнить, что беременную женщину нужно оберегать и лелеять, а родившую женщину нужно поддерживать, помогать и обязательно быть внимательным к её состоянию, поскольку иногда сама женщина не способна заметить те симптомы, в случае которых нужно бить тревогу! Берегите своих жён, сестёр, дочерей, подруг, это так важно в наше время!

В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩЕГО

«С того момента я постоянно себя ощущаю эдаким связующим звеном между работой большого информационного телевидения и жизнью Православной Церкви. Часть той силы, что вечно хочет блага и совершает зло».

« Дается много информации о внешнем, а рассказ о внутреннем, о сути мы сделать-то не можем. Центральные понятия духовной жизни человека средствами телевидения передать невозможно. Я в своей жизни пытался это сделать многократно».

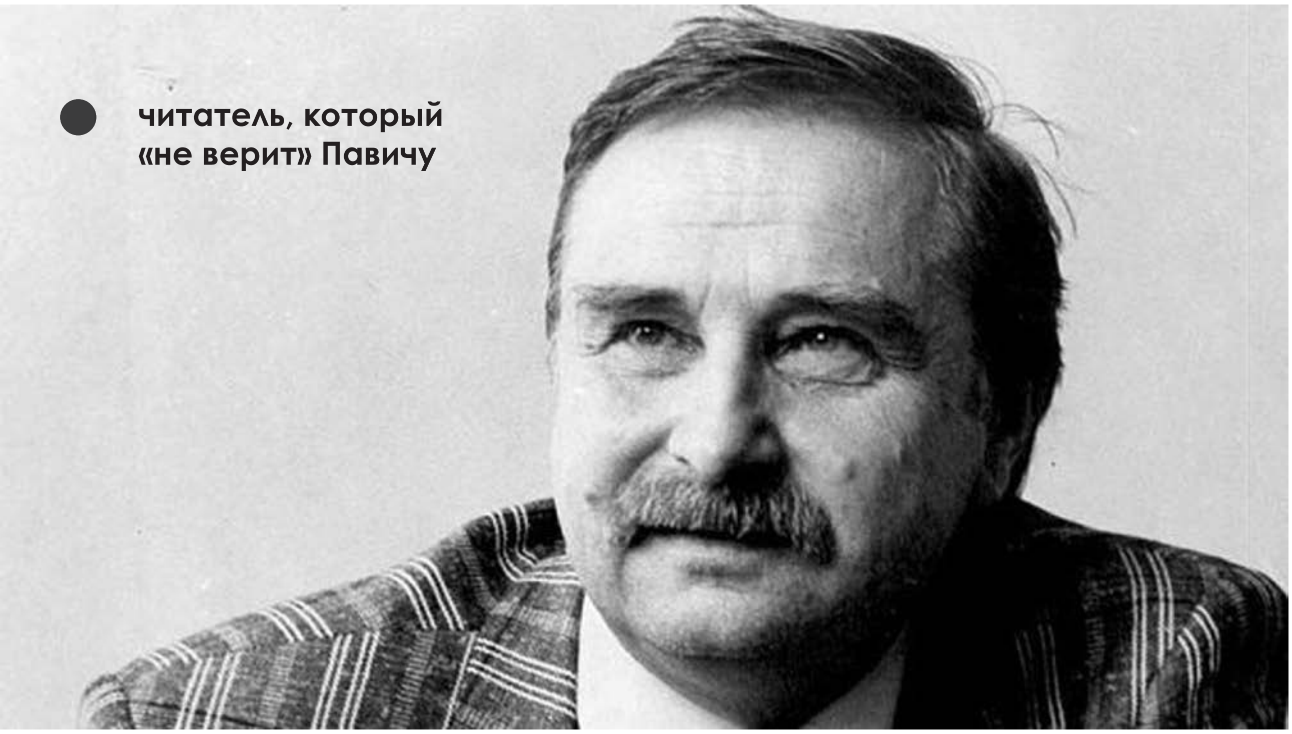
Иван Семёнов в интервью Анне Даниловой

ЕЛЕНА БАБИЧ

КАК СОРИЕНТИРОВАТЬСЯ В «ХАЗАРСКОМ СЛОВАРЕ»

Милорада Павича

читатель, который «не верит» Павичу

Многое у нас проходит слишком быстро. «Хазарский словарь», думается, вещь не новая, для того, чтобы высказывать о ней какие-либо суждения, но вместе с тем и не старая, чтобы считать их невозможными.

«Хазарский словарь» просто слишком быстро прошёл. Ну, поговорили о новой литературе, ну, поигрались с гипертекстом, а о самом «Хазарском словаре» отчего-то позабыли. Может, смысл затерялся в идеях о новой литературе, или роман просто не поняли, а, может, на это непроизвольное исчезновение романа повлияли и высказывания самого Павича, содержащиеся и в произведении, и во всевозможных декларациях. И действительно, где бы ни встречались слова писателя о каком-либо из своих произведений, – всюду прослеживается акцент какой-то «неучастности», «сторонности» роману и автора, и читателя. Вот скажем: «Я старался как можно меньше мешать моим романам. Я думаю, что роман, как и рак,

принцесса Атех в интерпретации Ирины Бабушкиной

живет за счет своих метастазов и питается ими. С течением времени я всё меньше чувствую себя писателем написанных мною книг, и всё больше — писателем других, будущих, которые, скорее всего, никогда не будут написаны», – из предисловия к книге «Роман как держава». А вот слова доктора филологических наук, профессора факультета журналистики МГУ Натальи Микеладзе: «Исходя из утверждений Павича, он едва ли затаил бы на Вас обиду, если бы узнал, что Вы просто и бесхитростно прочитали его сочинение, не обнаружив в нем дополнительных смыслов и возможностей. Во всяком случае, он обещает читателю полную свободу в обращении со своим текстом, вплоть до «на этом месте лежит читатель, который никогда не откроет эту книгу, здесь он спит вечным сном». *

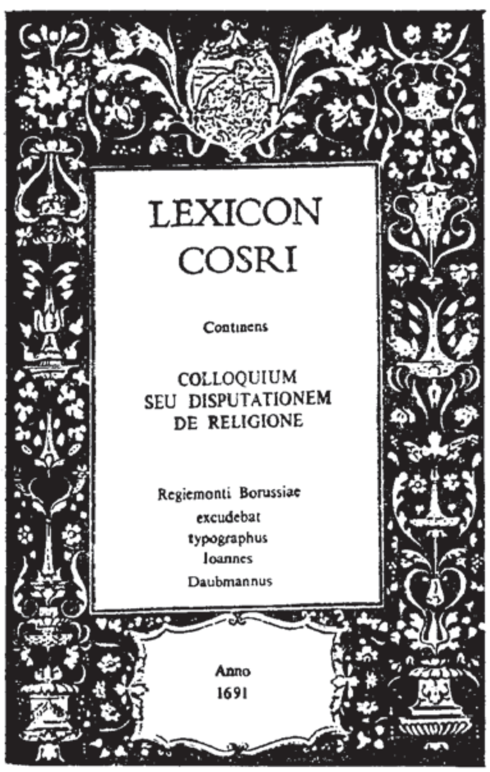
И что ж, автор добился своего: принято полагать, что «Хазарский словарь» – произведение из рук вон демократическое, что хочешь, дескать, то с ним и делай. Хочешь, читай с конца к середине, а хочешь, с середины к началу, или с пятой страницы на десятую. Вполне возможно, что продаётся на таких условиях действительно лучше, чем «Война и мир», все тома которого нужно читать по порядку (не смотря даже на то, что мальчики и девочки именно по «Войне и миру» поняли на деле, что такое гипертекст, ибо каждый читал своё). Но с точки зрения понимания, ни о каком разнобое не может быть и речи. Боюсь, что это просто умная уловка для любителей Донцовой. В остальном же — это умная книга для умных людей. Но всё же любому, кто в здравом уме, понятно, что книга пишется всё равно по порядку и читать её следует также. А если даже она и писалась как-то иначе, то зачем читать её вразнобой? Неужели читатель ждёт, что откроются какие-то новые горизонты или что-то вроде того? Умный точно не ждёт. Да и писатель у нас не глупый: доктор философии, переводчик, историк сербской литературы XVII — XIX вв., преподававший в парижской Сорбонне, в Вене, Фрайбурге, Регенсбурге и Белграде, человек, владевший русским, немецким, французским и несколькими древними языками. Давайте будем благоразумными и поверим не тому, что Павич говорит для покупателей, а тому, что он говорит

для читателей внутри своих произведений. Давайте воспринимать книгу в целом, а не по кусочкам. Не для того она переплетена, чтобы её снова разрывали на цитаты. Для «Хазарского словаря» этот призыв чересчур актуален – по сей день книгу «разрывают» на части.

Итак, что мы видим, не разрывая её? Признаться, гораздо больше мы не видим, здесь нужен чуть ли не построчный анализ, чем я обещаю скоро заняться. Здесь же очерчу лишь несколько моментов, чтобы показать целостность. Итак, поехали!

Смотрим на тот сюжет, который наверху: хазары выбирают религию. При этом у них уже есть религия, но чем-то она их не устраивает. Приезжают трое товарищей с «рекламой» христианства, ислама и иудаизма. Время от времени каждому из «пиарщиков» удаётся переигрывать друг друга и, на первый взгляд кажется, что проигрывают все. Ну, конечно, если мы будем читать вразнобой, как того не возбраняет нам автор, то и этого сюжета мы не проследим, не говоря уже о том, что кажется, а что действительно есть. Поэтому, внимательно читая по порядку, мы увидим вот такое начало (в христианской части):

первая страница романа

LEXICON
COSRI
Continens
COLLOQUIUM
SEU DISPUTATIONEM
DE RELIGIONE
Regiemonti Borussiae
excudebat
typographus
Ioannes
Daubmannus
Anno
1691

— Что же касается остального, господин, — закончил Севаст, — вы, конечно, можете передать меня христианским духовным властям и подвергнуть судебному процессу, предусмотренному для нечестивых и ведьм. Но прежде чем вы это сделаете, позвольте мне задать вам один единственный вопрос. Уверены ли вы в том, что ваша Церковь будет существовать и сможет судить и через триста лет так же, как она делает это сейчас?
— Конечно, уверен, — ответил папас Аврам.
— Ну так и докажите это: ровно через двести девяносто три года встретимся снова, в это же время года, за завтраком, здесь, в Царьграде, и тогда судите меня так, как бы вы сделали это сегодня...

Папас Аврам улыбнулся, сказал, что согласен, и убил еще одну муху кончиком хлыста.

И вот такой конец (последние страницы романа):

Судебный процесс закончился, приговор вынесен. С госпожи Шульц снято обвинение в том, что она преднамеренно, из мести, совершила убийство доктора Абу Кабира Муавии. Она осуждена за убийство доктора Исайло Сука. Убийство доктора Муавии осталось нераскрытым. Семья Ван дер Спак освобождена. Официантка ресторана гостиницы «Кингстон» Вирджиния Атех приговорена к денежному штрафу за попытку ввести суд в заблуждение и направить следствие по ложному пути.

Госпожа Дорота Шульц отправлена отбывать наказание в стамбульскую тюрьму сроком на шесть лет. Она пишет письма, адресуя их на собственное имя, в Краков. Все ее письма просматривают. Они всегда заканчиваются непонятной фразой: «Наша мнимая жертва спасла нас от смерти».

Во время осмотра комнаты доктора Сука не обнаружено никаких книг или бумаг. Найдено яйцо, разбитое с тупого конца. Пальцы убитого запачканы желтком, значит, последнее, что он сделал в жизни, — разбил яйцо. Найден и необычный ключ с золотой головкой, который, как ни странно, подошел к замку одной из комнат для обслуживающего персонала отеля «Кингстон». Это комната официантки Вирджинии Атех.

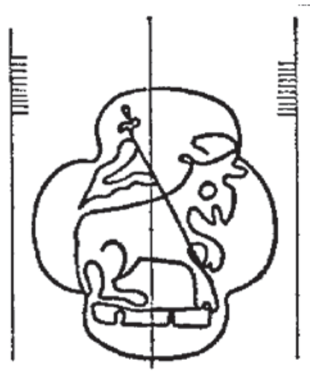
На столе семейства Ван дер Спак найден приложенный к следственному материалу счет, выписанный на обороте фирменного бланка отеля. Вот он:
1689 + 293 = 1982

Суд намечался, суд состоялся, причём в срок. Это ли ни призыв углубиться в произведение и понять, что ни герои, ни происходящее с ними не случайно? Если учесть, что у литературы всё-таки есть законы, и что основной из них – «в произведении нет ничего случайного», следует

искать связь. Основная цель того, о чём я сейчас пишу – доказать, что «Хазарский словарь» — произведение не только красивое, но и осмысленное, а смелые идеи сегодня, как и всегда, дело неблагодарное и опасное, возможно, для того, чтобы смысл открылся, просто нужно чуть больше внимательности. Открытия появляются, как только начитаешь задавать вопросы. Если суд состоялся, означает ли это, что христианство победило? А христианский ли это суд? А справедливо ли в нём решение? Да ведь и преступление не раскрыто. А может дело в том, что истину ищет и сам Павич. Ведь смотрите: хранитель тайны умер при странных обстоятельствах (на протяжении романа есть предпосылки к разгадке этих обстоятельств, но самой разгадки всё же нет, ну или пока она мне не открылась), а значит и нам не дано знать, как же всё на самом деле. А может смерть, это и есть суд? Непросто, но, наверняка, возможно, если хорошенько углубиться в роман.

И это только одна сторона и одна возможная интерпретация. Более понятная интерпретация: «Хазарский словарь» как отражение Сербского государства во всевозможных аспектах: в менталитете, который автору и любим, и нелюбим одновременно, в древней истории, которой автор восхищается, и в разочарованиях Павича в этой же истории. Например:

У путницы был паспорт, который на Востоке считался западным, а на Западе восточным. Так что он вызывал подозрения и там, и там, а она сама бросала две тени — одну направо, другую налево. В глубине леса, изрезанного тропинками, она искала известную школу, находившуюся в конце длинной дороги, где ей нужно было сдать свой самый главный экзамен. Ее пупок был похож на пупок пресного хлеба, а путь так длинен, что съел целые годы. Оказавшись наконец перед лесом, она встретила двух людей и спросила их, как пройти. Они смотрели на нее, опираясь на свое оружие, и, сказав только, что знают, где школа, замолчали. Потом один из них показал: иди прямо и на первом же пересечении тропинок сверни налево и опять налево, так ты попадешь к школе. Путница мысленно поблагодарила за то, что у нее не спросили документов, тогда она наверняка показалась бы им подозрительной особой с задними намерениями. Она продолжила путь, свернула на первую тропинку налево, потом опять налево, ориентироваться по их объяснениям было нетрудно, однако в конце той тропинки, на которую она свернула в последний раз, вместо школы оказалось болото. А перед болотом, улыбаясь, стояли уже знакомые ей вооруженные люди.

Кто не усматривает здесь метафоры, может начинать броситься помидорами. Боюсь только, что в полной мере эта метафора может быть понятна единственно сербам или же тем, кто досконально знает историю Сербии и всего, что с ней связано. Для меня сейчас несомненно только то, что «Хазарский словарь» – бесконечно непростой роман. Что бы ни говорили возможные мои оппоненты (а такие найдутся!) о гипертексте, свободе прочтения и о «просто виртуозно закрученном сюжете», я не могу согласиться с тем, что в романе образованного человека нет ничего, кроме этого. Безусловно, по достоинству могу оценить все прекрасные крючки, на которые Милорад Павич «ловит» читателя, заставляя его постоянно возвращаться к тем или иным моментам книги, автор просто хочет, чтобы вдумчивый человек как можно дольше не выпускал книгу из рук. Но если он не хочет, чтобы вы её оставляли, быть может, стоит подумать: почему?

Напоследок ещё кое-что из романа – отрывок, адресованный читателю:

«…от истины <…> нельзя получить больше, чем вы в неё вложили. <…> Чем больше ищешь, тем больше получаешь».

ПОЭЗИЯ

Татиана Кепнинская

Слова, как волны били сильно,
Слова наотмашь били больно
И разлетались в даль обильно,
Сверкая брызгами довольно...

И люди падали от фальши,
От клеветы, от оскорбления...
Скажите, что же будет дальше,
Пойдёт словами истребление?

А Бог, когда Он землю создал,
Сказал над всем:”Да будет слово!..",
Которое с любовью роздал
И не было тогда плохого!..

Слова стреляют, бьют, калечат...
А ведь должно бы быть иначе!
Бог есть любовь! Слова пусть лечат!
Утехой будут в чьём-то плаче...

И заново и вновь, и снова
Слова в защиту слов внемлите:
Коль "серебром" назвали слово,-
Как серебро его цените!

Душа, словно скрипка в футляре томится –
Попробуй мелодию к ней подобрать!
"Засветится" словно чудо Жар-Птица,
Которую редко кто может поймать!

Попробуй открыть сей футляр осторожно,
Смычком нежно тронуть все струны души –
Прекрасные звуки услышать здесь можно!
Ты ноты записывать к ней поспеши!

Диезы...Бемоли...Души ликованье,
Как плачет она можешь ты передать.
А вздохи, задумчивость и покаянье
С какой партитуры начнёшь подбирать?

Где ноты бессмертия, вечности звуки?
Возможно ли нотами всё передать?
Щедрость и скупость, терзание, муки,
Смирение ноты где будешь искать?..

Исписаны ноты, – взлетают листочки,
Как пела душа можно в них прочитать.
Ложатся на стан нотный новые строчки,
Стараясь все звуки души передать...

Струится меж пальцев песок, как ручей
Средь леса сверкая, звеня.
И ветер "гуляет" меж солнца лучей:
"Ты схватишь, поймаешь меня?"

Его не хватает, его не объять,
Не крикнуть ему:"Подожди!"
Но можно по прошлому с ним погулять-
Ты в церковь тихонько зайди.

Здесь время иное, иной метроном...
У вечности свечи горят...
События давних, прошедших времён
Понятно нам всё говорят!

Иное пространство и времени суть!
Как "остро"звучат те слова !
Ты Вечную книгу читать не забудь,
Взирая на ход бытия!

Ольга Агапонова

Зеркальных улиц фонари
искали пристань,
следы исчезнувшей любви,
кристально-чистой.
Искали в городе ночном,
в полете истин
и в отражении своем
на мокрых листьях
Погасли утром фонари,
огней не стало
и нет обманутой любви
и нет причала.

Ці вартыя мы гэтай восені
з бурштынавым караванам лісця,
з паэтычным спатканнем кропель туману,
З аблокавай хваляй прычыстай,
калі рассякаем скрозь цені
восені…?

Алена Бабіч

ІНАКУ МІКАЛАЮ (БЕМБЕЛЮ)

Ты казаў: "Хай стане маленнем – верш!"
Х а й т а к. Пра мяне памаліся,
Інак.
Пра душу маю самотную грэшную,
Ля Крыжа сабраную па рэштках.
Вершам альбо не вершам –
Хоць сказам завершаным:
"На мяжы, Божа, дапамажы".

Ты казаў: "Памятай, ты – з рабрыны".
А я ад Еўфрасінні да Скарыны толькі памятаю.

Вянок пакутніцкі не ўтрымаю,
Адзенне чорнае памараю.
Хай інак у малітве памяне.
Мой Божа, вырашы за мяне.

ПЛАЧ ЕЎФРАСІННІ

ты тады толькі можаш б ы ц ь,
калі будзеш мацней мяне:
прывязсьці да Я г о, скарыць перад І м
калі здолееш. Калі не –
прабачай, мне лягчэй адной скарацца.

ты тады толькі можаш стаць
усім сусьветам дзяля мяне,
калі схоча Ён, калі не –
прабач, няма розніцы, ці з табою, ці без цябе,
а л е ў І м ратавацца.

ты тыды толькі мог быць,
каб Яго не было ў мяне.
калі ёсьць Ён – тады не,
прабычыш – не з табою, але з Ім хачу застацца.

Татьяна Лашук

МОЛИТВА

Не плачьте, жены, обо Мне –
Но о себе и детях ваших:
Я видел город, весь в огне
И под мечом не счесть упавших.
Но Отче, я прощаю всех –
Они не знают, что творят.
Прости ругательства и смех, –
Не от себя ведь говорят.
Одни клялись за мной идти,
А шли – до первых петухов.
Господь, позволь же Мне сойти
Во искупленье их грехов.
Я от рожденья до креста
Твой замысел делами славил,
Теперь спеклись Мои уста –
Отец, зачем Меня оставил?..
Молю: их огради от тьмы
И дай им пережить три ночи.
Пусть вместе – как едины Мы...
Ты есть Любовь. Свершилось, Отче!..

ПЛАЧ РАГНЕДЫ

Ці рабыніча раззую, ці паніча
Не дазнаюся, покуль пугі не ўбачу.
Хто абраўся без абранішча,
Таго – не хачу.

Гаспадаром зробішся
Ці пакінеш у спакоі…
Дзе там пакінеш.., ды гаспадарства тваё ліхое.

За горкую славу нянавісцю звядзеш, стомішся.
За былое праклянеш пад небам сінім.
Рагнеду ўваскросшую назавеш
Анастасіяй.

СКОРО В “ПОКОЛЕНИИ”:

рубрика “Батюшка”

вопросы священнического служения

Мнения, размышления, предложения и статьи на эту и другие темы присылайте на электронную почту редакции POKOLENIE-RED@TUT.BY Подключайтесь к обсуждению номера в нашей группе “Вконтакте” vk.com/pokolenie_by. Присоединяйтесь,Вы нам нужны.

“Поколение”

№ 3 (4) 2012

издаётся по благословению Высокопреосвященнейшего Артемия,

архиепископа Гродненского и Волковысского

главный редактор:
иерей Антоний Семилет

выпускающий редактор:
Елена Бабич

редакционная коллегия:
Анастасия Авдей
Ольга Агапонова
Марина Блажиевская
Дмитрий Павлюкевич

Компьютерная вёрстка:
Елена Бабич

Корректор:
Елена Лапковская

Фотокорреспондент:
Игорь Жданович

Все авторы статей номера:
Алевтина
Анастасия Авдей
Елена Бабич
Татьяна Лашук
иерей Антоний Семилет
Светлана Павлюкевич.

В том числе использованы фото:
Елены Счастной

Журнал “Поколение” №4
Подписано в печать 07.12.2012.
Формат 60×84/8. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл.печ.лист. 6,51. Уч.-изд.лист. 12,17.
Тираж 299 экз. Закакз 7094у
Издатель и полиграфическое исполнение:
Гродненское областное унитарное полиграфическое предприятие
“Гродненская типография”
ЛИ № 02330/0552822 от 08.04.2009.
ЛИ № 02330/0552745 от 25.02.2009.
Ул. Полиграфистов, 4, 230025, г. Гродно